

ПРОФЕССОРЪ

Алексѣй Ивановичъ Введенскій.

(1861 г. 14 мая—1913 г. 23 февраля).

Московскую духовную академію постигла тяжелая утрата. Преждевременно сошелъ въ могилу ея талантливый профессоръ философіи А. И. Введенскій, двадцатипятилѣтній юбилей дѣятельности котораго академія праздновала лишь годъ назадъ. Но хотя проф. Введенскій сошелъ въ могилу въ томъ возрастѣ, на который въ большинствѣ случаевъ надеется расцвѣтъ научной дѣятельности, онъ въ предѣлѣхъ земномъ успѣлъ уже совершить много больше, чѣмъ обыкновенно дѣлаетъ ученый. Московская духовная академія дала Россіи теистическую философію и, смѣю думать, создала теистическую философскую школу въ Россіи. Ѳ. А. Голубинскій считается основателемъ этой философіи на Руси, В. Д. Кудрявцевъ является его продолжателемъ, А. И. Введенскій представляется мнѣ завершителемъ ихъ дѣла для перваго столѣтія существованія академіи.

Въ прошедшемъ году привѣтствуя А. И. съ двадцатипятилѣтіемъ его научной дѣятельности, я сравнилъ московскую духовную академію съ средневѣковою школою Сень-Виктора въ Парижѣ, послѣ этого я получилъ одно анонимное письмо, въ которомъ «бывшій питомецъ академіи», благоразумно назвавшій своего имени, высказывалъ мнѣ негодованіе по поводу моей рѣчи. Богъ ему судья! Но теперь считая своей обязанностью выяснить образъ и научную фізіономію нашего почившаго философа, я вижу себя принужденнымъ снова обратиться къ своей прошлогодней рѣчи и вспомнить о сень-викторской школѣ, съ которой, мнѣ представляется.

московская академія стоять— хотя можетъ быть и не въ прямой и непосредственной но въ несомнѣнной связи.

Феодоръ Алек- чь, Викторъ Д- чь и Алексѣй Иван- чь въ своей философіи все возводили къ Богу, но чтобы находить объясненіе всего въ Богѣ, нужно знать Его. А какъ узнать и познать Бога? Гюго Викторъ училъ такъ. У насъ есть три органа познанія, три глаза: *oculus carnis*, *oculus rationis*, *oculus contemplationis*. Плотской глазъ познаетъ природу, глазомъ разума мы познаемъ самихъ себя, глазу созерцанія открывается Божество. Вотъ этотъ глазъ созерцанія и былъ руководителемъ всѣхъ московскихъ профессоръ въ ихъ изысканіяхъ. Ѳ. А. Г-кій и философію определялъ, какъ любовь къ мудрости, но не какъ мудрость. Мудрость по его взгляду дается религіею, вѣрою. Философія, это—притворъ; богословіе, это—храмъ. В. Д. Кудрявцевъ развилъ подробно теорію, выдвинутую уже Ѳ. А-чемъ, что у насъ есть особый органъ для познанія Божества. Мнѣ неоднократно пришлось слышать утвержденіе въ категорической формѣ того, что В. Д- чь повторилъ въ своей теоріи взгляды Якоби. Это ошибочно. Якоби признавалъ существованіе у человѣка особаго органа для воспріятія воздѣйствій Божества, но онъ отрицалъ положительную религію и не допускалъ мысли о поврежденности нашего органа Богопознанія. Вѣра въ положительное христіанство и сознаніе того, что нашъ *oculus contemplationis* глубоко поврежденъ паденіемъ, утверждались въ сенъ-викторской школѣ. Рѣшительно и прямо они утверждались и въ московск. духовн. академіи. У Алекс. Иван. не выдвигается на первый планъ, какъ у его предшественниковъ, теорія органа созерцанія, но легко можно видѣть, что за всѣми его философскими изысканіями, равно какъ и за его философіей оцѣнки, стоитъ созерцающая вѣра и, руководясь ею, онъ стойко и твердо изслѣдовалъ и разбиралъ самыя мутныя и самыя антирелигіозныя ученія.

Алексѣй Ивановичъ родился въ Серпуховѣ 14 мая 1861 г. Отецъ его тогда былъ тамъ дьякономъ. Въ домѣ о. діакона царилъ обычныя владыки большинства домовъ духовенства—религіозность и бѣдность. Первая дѣлала то, что сила вто-

рой направлялась ко благу, а не ко злу. Въ глубокой религиозной вѣрѣ былъ воспитанъ Алексѣй Ив., какъ и вся его семья. Кто знаетъ Введенскихъ, тотъ знаетъ, что основой и руководительнымъ началомъ жизни для всѣхъ нихъ является православное ученіе. Съ молокомъ матери они всасывали православную вѣру, и эта вѣра укрѣплялась въ наставленіяхъ отца. А при религиозной вѣрѣ не страшна никакая бѣдность. Напротивъ, она сама являлась могучимъ воспитательнымъ средствомъ, она научала терпѣнію и твердости. Бѣды временны и проходящи, Богъ все направляетъ ко благу. Нужно только ждать и надѣяться. И Алексѣй Ив. выпесъ изъ родной семьи глубокую религиозность, терпѣливость и стойкость. Затѣмъ отецъ его получилъ мѣсто священника въ селѣ Городкахъ, Волоколамскаго уѣзда. А маленький Алеша поступилъ въ волоколамское духовное училище. Городки отъ Волоколамска находятся въ 40 верстахъ, рейсы между Городками и Волоколамскомъ маленькій духовникъ нерѣдко совершалъ пѣшкомъ. Изъ Волоколамскаго духовнаго училища онъ переехалъ въ Виоанскую духовную семинарію, а изъ нея въ Московскую Духовную академію. Я поступилъ въ академію, когда Алексѣй Ив. былъ на 4-мъ курсѣ. Помню, мнѣ указали на него, какъ на прекраснаго знатока новыхъ языковъ. Онъ тогда уже выступалъ въ печати. Знаю, что въ посадѣ онъ давалъ уроки. Кандидатское сочиненіе онъ писалъ по Введенію въ богословіе Ив. П. Яхонтову, но Яхонтовъ умеръ, и рецензировалъ его сочиненіе доцентъ по исторіи философіи М. А. Остроумовъ. Сочиненіе Алексѣя Ив. привело М. А. Остроумова въ восхищеніе.

По окончаніи курса Алексѣй Ив. былъ назначенъ преподавателемъ латинскаго языка въ вологодскую духовную семинарію (25 августа 1886 г.). Но пробылъ онъ тамъ недолго. М. А. Остроумовъ перешелъ изъ академіи на церковное право въ Харьковскій университетъ. А на исторію философіи совѣтомъ былъ избранъ Алексѣй Ив. Уже на своихъ пробныхъ лекціяхъ (1. о религиозной философіи Гартмана. 2. Отношеніе Ланге къ вопросу о познаніи) онъ обратилъ на себя вниманіе красивою дикціею, изящнымъ стилемъ и

мѣткостью критическихъ замѣчаній. Послѣ его вступительной лекціи (о цѣляхъ изученія исторіи философіи) студенты проводили его шумными аплодисментами. Мы вѣзались въ память и его пробныя и его вступительная лекція, на которыхъ я присутствовалъ. Очень скоро Алексѣй Ив. сталъ въ глазахъ студентовъ авторитетнымъ преподавателемъ. Его первый капитальный трудъ «Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія» оправдалъ и надежды на него его учителей и вѣру въ него его учениковъ. Въ этой своей магистерской диссертации онъ впервые познакомилъ русское общество со всеми разнообразными теченіями философской мысли по вопросу о происхожденіи религіи. До этихъ поръ единственнымъ источникомъ познанія въ этой области была книга В. Д. Кудрявцева—«Религія, ея сущность и происхожденіе», стоящая въ своей исторической части болѣе, чѣмъ въ сильной зависимости отъ книги Пфлейдерера, — Religion, ihr Wesen und ihre Geschichte. Работалъ Алексѣй Ив., не покладая рукъ, и работалъ онъ и какъ ученый теоретикъ и какъ христіанинъ-практикъ. Рядомъ съ трактатами о Сократѣ, Анаксимандрѣ, Декартѣ онъ писалъ: «чистое око», «о послушаніи св. церкви», «путь жизни», «правда жизни». Въ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ онъ выступалъ своимъ внутреннимъ существомъ, раскрывая свои интимнѣйшіе идеалы и вѣрованія. Обращаться съ этими вѣрованіями ко всемъ часто значитъ метать бисеръ туда, гдѣ сдѣлаютъ изъ него неподобающее употребленіе. Алексѣй Ив. зналъ это и зналъ къ какой публикѣ и съ чѣмъ нужно обращаться. Съ учеными онъ стоялъ исключительно на научной почвѣ, но онъ имѣлъ дѣло еще съ иными людьми, съ братьями по вѣрѣ и съ ними онъ говорилъ языкомъ сердца и вѣры. Замѣчательно использовалъ онъ годъ заграничной командировки—1891/2. Онъ уловилъ существо нѣмецкаго и французскаго настроенія, понялъ духъ и стремленія ихъ философскихъ школъ и далъ книгу «Философія въ современной Германіи и Франціи». Въ только что вышедшемъ философскомъ словарѣ Э. Л. Радлова (М-ва. 1913). этотъ трудъ его называется главнымъ. Этотъ трудъ его безъ сомнѣнія очень цѣнный, но онъ гораздо больше высказался и сказалъ въ своихъ маги-

стерской и докторской диссертацияхъ, чѣмъ въ этомъ трудѣ. Уже во время своего пребыванія за границей въ 91/92 гг. Алексѣй Ив. задумалъ представить на доктора работу по исторіи религій, съ этою цѣлью онъ хотѣлъ тогда заняться санскритомъ. Но обстоятельства отвлекли его отъ этой работы. Онъ сталъ постояннымъ газетнымъ сотрудникомъ. Это имѣло и выгодную и невыгодную сторону. Участіе въ газетѣ расширило его горизонтъ, онъ сталъ специально заниматься литературой и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомился съ различными теченіями общественной мысли. То и другое давало ему богатый матеріалъ для философскихъ обобщеній и построеній. Но съ другой стороны у него значительно сократилось время для работы надъ специальными монографіями. Только въ 1902 году онъ наконецъ выпустилъ давно ожидавшуюся мною докторскую диссертацию «Религіозное сознаніе язычества. Т. I. Религіи Индіи». Могу сказать, что это—единственная диссертация по исторіи религій, которая читается съ истиннымъ наслажденіемъ и чтеніе которой приноситъ безспорную пользу. Отъ времени до времени я давалъ для кандидатскихъ сочиненій темы по исторіи религій. Кандидатскія работы были еще ничего себѣ. Но мнѣ приходилось читать сочиненія въ этой области и на высшія ученныя степени. Въ прошломъ году читалъ я и докторскую диссертацию. Я присуждалъ степени всеѣмъ, имѣя въ виду трудолюбіе авторовъ и новизну предмета. Но признаюсь, эти quasi-ученныя диссертации поражали меня своею безтолковостью и совершеннымъ непониманіемъ авторами того, о чемъ они писали (вѣрнѣе: списывали). Это особенно ярко выразалось въ ихъ своеобразныхъ опытахъ самовосхваленія и самозащиты. Послѣдніе могутъ служить полезнымъ матеріаломъ для практическихъ занятій, какъ образчикъ логическихъ несообразностей въ богословскихъ разсужденіяхъ. Весьма вѣроятно, что эти авторы могли бы написать что-нибудь и полезное по св. Писанію или церковной исторіи, но ясно, что они совершенно не могли овладѣть предметомъ, не преподававшимся въ академіи. Между тѣмъ надъ своими несчастными фоліантами они сидѣли цѣлые годы. Алексѣй Ив. преподавалъ философію.

но чутко понимая связь всѣхъ философскихъ системъ съ религіозными ученіями, онъ совершилъ поучительную экскурсію въ область исторіи религій и далъ трудъ, о которомъ я въ свое время отозвался какъ о такомъ, который бы сдѣлалъ честь и западной наукѣ. Въ религіи онъ искалъ душу создавшаго ее народа и именно лучшія струны и чаянія этой души и въ своемъ капитальномъ трудѣ онъ далъ много для пониманія загадочной души индуса.

Въ послѣднее десятилѣтіе своей трудовой жизни Алексѣй Ивановичъ дѣлилъ свои занятія главнымъ образомъ между философіею и литературою. Въ сущности онъ самъ былъ поэтомъ-философомъ. Въ его философскихъ трактатахъ много поэтическаго, а его изслѣдованія въ области поэзіи характеризуются философскимъ духомъ. Онъ писалъ и о русскихъ и о западныхъ представителяхъ литературы. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы его критическіе этюды вышли особымъ изданіемъ. По философіи онъ, кажется, приготовилъ къ печати «Введеніе въ философію». Я знаю, что объ изданіи этой книги у него былъ разговоръ съ однимъ издателемъ, и мнѣ онъ говорилъ, что собирается печатать свой курсъ. Но кромѣ философіи и литературы

На все отзывался онъ сердцемъ своимъ.

Что просятъ у сердца отвѣта.

Онъ писалъ и о русско-японской войнѣ и о социализмѣ, о переломѣ въ общественномъ сознаніи и о воскресеніи въ тѣлѣ. Все важное и значительное приковывало къ себѣ его вниманіе и по поводу всего онъ вырабатывалъ свои взгляды и высказывалъ свои сужденія.

Такъ текла его рабочая жизнь. Жизнь профессора съ внѣшней стороны всегда будетъ представляться монотонною и однообразною. Все одно и то же. Вчера и нынѣ человекъ сидитъ за однимъ и тѣмъ же рабочимъ столомъ и жизнь его течетъ какъ бы по шаблонному трафарету. Но это только видимому. Профессоръ по существу есть вѣчный студентъ. Онъ всю жизнь учится. Каждый день, каждая книжная почта приносятъ ему новыя знанія. За однимъ и тѣмъ же столомъ передъ одними и тѣми же окнами все сидитъ онъ, но видитъ онъ все новое и новое; предъ нимъ, какъ предъ какимъ-либо

странникомъ по земному шару, постоянно открываются новые и новые горизонты. Алексѣй Ив. училъ, когда еще былъ студентомъ, и учился, когда уже былъ профессоромъ, учился до самой могилы. Но эта могила!? Никто не могъ подозревать ея близости. Все говорило за долгожизненность печивнаго. Наслѣдственность: его отецъ умеръ на 69, мать — на 74 году. Говорила за него его собственная фигура. Высокій, прекрасно сложенный, полный съ свѣжимъ здоровымъ лицомъ, онъ своимъ видомъ говорилъ о разумной и трудовой жизни. Но къ нему неслышными шагами подкрадывалась смерть.

Были у него недуги. Лечился онъ водами и на Кавказѣ и за границей. Но это были недуги несерьезные, никому и ничему не мѣшающіе. Покойный работалъ, не обращая на нихъ вниманія. А между тѣмъ въ это время, незамѣтно и не давая себя чувствовать, развивался его смертельный недугъ. Серьезное недомоганье почувствовалъ онъ въ октябрѣ 1912 года, а 23 октября внезапно произошелъ сильный пароксизмъ, послѣ котораго Алексѣй Ив. былъ увезенъ въ больницу, и его квартира уже не видѣла его больше живымъ. По внѣшности ничто еще не предвѣщало близкаго конца, но то, что невидно было другимъ, должно быть видно было больному. Все говоритъ за то, что онъ предчувствовалъ смерть. На своемъ юбилеѣ онъ говорилъ о могилѣ. Книжка о его юбилеѣ полученная мною отъ него облечена въ траурный муаровый переплетъ. Когда Алексѣя Ив. отвозили въ больницу, онъ сдѣлалъ распоряженія, которыя на нашемъ языкѣ называются предсмертными. Онъ немедленно сталъ приготовляться къ смерти. Для остающихся живыхъ онъ устроивалъ ихъ дѣла, самъ исповѣдывался, причащался, 21-го ноября принялъ таинство Елеосвященія. Многіе посѣщали больного, почитатели и почитательницы, родные и знакомые. Бывалъ и я у него, и особенно послѣднее наше свиданіе вѣзалось мнѣ въ память и никогда оно не изгладится изъ нея.

Наступалъ сумрачный зимній вечеръ. Было мрачно въ мрачномъ номерѣ старой больницы. Вокругъ царилъ тишина. Мы сидѣли вдвоемъ, потомъ ослабѣвшій Алексѣй Ив. прилегъ. Мы говорили о прошломъ, и явно предъ нами пред-

стали воспоминанія о всѣхъ недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ между нами на протяженіи двадцатилѣтней совмѣстной службы, и высказали мы, что *поздно* мы узнали другъ друга. Это свиданіе было послѣднимъ; съ двойнымъ чувствомъ я уходилъ съ него: съ чувствомъ облегченія, какъ будто я покаялся и получилъ отпущеніе, и съ чувствомъ тоски, что все это совершилось слишкомъ *поздно*.

И уходя, я думалъ о больномъ. Я видѣлъ его и въ счастливыя и въ тяжелыя минуты его жизни. Я видѣлъ, какъ его пытались подвергнуть лицепріятному человѣческому суду, онъ оставался спокойнымъ и твердымъ и всячески потому содѣйствовалъ благополучію одного изъ тѣхъ, кто шелъ противъ него и которому потомъ самому пришлось пострадать. Стоекъ и твердъ былъ почившій. Но мнѣ показалось, что еще спокойнѣе и увѣреннѣе стоялъ онъ передъ лицомъ смерти. Онъ зналъ, что тамъ его ждетъ праведный судъ Божій, а не человѣческій лицепріятный судъ.

Болѣзнь его была страшно мучительной. Четыре мѣсяца провелъ онъ въ ужасныхъ страданіяхъ и тихо скончался 23 февраля текущаго года.

Тѣло Алексея Ивановича было перевезено въ его квартиру. Достоинства человѣка лучше всего отрываются въ отношеніяхъ къ нему людей послѣ смерти. На смерть его откликнулась печаль. Къ его гробу приходило молиться безчисленное количество людей—вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, и особенно трогательны и поучительны эти невѣдомые люди, молившіеся и плакавшіе около его бездыханнаго тѣла. Ихъ вѣдь нельзя заподозрить въ какихъ-нибудь расчетахъ и заднихъ умыслахъ, тихо и незамѣтно они приходили и уходили. Видно, почившій посѣялъ въ нихъ сѣмена добра, и эти сѣмена дали добрые всходы. Поучительнымъ представляется мнѣ, что въ одной газетѣ—именно въ «Столичной Молвѣ», № 293—непосредственно послѣ его кончины былъ напечатанъ пасквиль по его адресу. Какой-то невѣдомый авторъ, можетъ быть, «бывшій питомецъ академіи» въ то время, какъ тѣло почившаго еще не было засыпано землею, усердно старался облить его грязью. Не нужно объяснять, что такъ поступить по отношенію къ кому бы то ни было можетъ лишь дурной

человѣкъ. Мнѣ послышался въ этой статьѣ торжествующій крикъ дикаря радующагося, что умеръ тотъ, кто противо-дѣйствовалъ его злымъ и низменнымъ инстинктамъ. Это -- ликующій ревъ Терзита у бездыханнаго тѣла Патрокла. И этотъ крикъ злого торжества надъ еще неостывшимъ трупомъ свидѣтельствуетъ, что умеръ хорошій человѣкъ.

Но къ этому дикому вою, кажется, не присталь никакой хорь.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 48) объ Алексѣѣ Ивановичѣ писали слѣдующее:

«Тяжело провозжать въ могилу человѣка, съ которымъ связываютъ долгіе годы взаимообщенія, взаимопониманія и совмѣстной работы на одномъ общемъ дѣлѣ. Но, говоря послѣднее «прости» Алексѣю Ивановичу Введенскому, мы испытываемъ тѣмъ большую тяжесть, что знаемъ его незамѣнимость не только для «Московскихъ Вѣдомостей», но и для того русскаго дѣла, которому мы совмѣстно служили.

Почившій принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые развиваютъ и отстаиваютъ русскія основы во всеоружіи развитой мысли, въ обладаніи всѣмъ научнымъ знаніемъ, всей культурностью, которыя необходимы для того, чтобы вполнѣ сознать высоту нашихъ идеаловъ и дѣла, нами отстаиваемаго. Такихъ людей въ настоящее время немного. Имъ трудно вырабатываться въ эпоху господства разгулявшейся улицы, когда все рѣшаются не умъ и знанія, не чуткая совѣсть, а зычный крикъ и крѣпкій кулакъ. Тотъ небольшой слой избранныхъ, по выработкѣ, людей, къ которому принадлежалъ Алексѣй Ивановичъ, почти не пополняется, и каждый выжившій изъ строя остается незамѣнимъ.

Но покойный обладалъ не только высокой выработкой: онъ еще труднѣе замѣнимъ по личнымъ огромнымъ способностямъ, глубокимъ и разнообразнымъ, по рѣдкой трудоспособности, по всему тому сочетанію духовныхъ свойствъ, которыя дали ему возможность явиться первокласснымъ публицистомъ, соединяющимъ въ себѣ ученаго, критика и проповѣдника. Въ этомъ отношеніи «Московскія Вѣдомости» могутъ гордиться тѣмъ, что именно благодаря сотрудничеству въ нихъ А. И. Введенскій получилъ широкую возможность

и побужденія такъ разносторонне развить данное ему отъ Бога богатое содержаніе силъ.

Въ срединѣ 90 годовъ онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ ученымъ, подававшимъ блестящія надежды. Посланный Московскою академіей за границу, онъ изложилъ свои впечатлѣнія и наблюденія въ живой и интересной работѣ «Западная дѣйствительность и русскіе идеалы». Эта работа возбуждала вниманіе редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», и съ 1897 года Алексѣй Ивановичъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ газеты. Это совершилось тѣмъ легче, что многогранность духовнаго содержанія уже давно повлекла молодого ученаго, кромѣ непосредственной его специальности—философіи, въ область литературы и соприкасающагося съ ней драматическаго искусства. Литературу онъ изучалъ уже давно, а къ концу жизни сталъ въ ней рѣдкимъ специалистомъ. Хорошо изучилъ онъ и театр. Занятія литературой расширили область его чтенія и на исторію вообще. Съ этимъ оружіемъ онъ скоро выработался въ выдающагося публициста.

Нынѣ подъ публицистикой понимаютъ больше участие въ мелкой борьбѣ партій, въ прикладной политикѣ. Не въ этомъ смыслѣ мы называемъ А. И. Введенскаго публицистомъ. Крѣпко стоя за русскіе идеалы, за русскій историческій строй, онъ въ текущую политику не любилъ мѣшаться. Онъ былъ созданіемъ того времени, когда понимали, что цѣнность политики всецѣло зависитъ отъ уровня культурнаго развитія общества. Быть преданными великому идеалу, умѣть стоять за него, понимать способы его осуществленія въ жизни—могутъ лишь люди развитые, и это особенно относится къ нашимъ историческимъ идеаламъ, которымъ приходится выдерживать такую страшную борьбу за существованіе. Тутъ одно «направленіе» не поможетъ: нужны знаніе, развитость, культурность. Посему-то величайшая задача истиннаго публициста состоитъ не въ партійной борьбѣ, не въ отстаиваніи мелкихъ мѣръ-текущаго дня, а въ выработкѣ умовъ. Въ этомъ-то смыслѣ А. И. Введенскій и создалъ себѣ своеобразное выдающееся положеніе публициста.

Мы не касаемся его дѣятельности какъ профессора, какъ

ученаго. Говоримъ о публицистѣ, о писателѣ, выработывавшемъ умы и міросозерцаніе общества. Философъ по специальности, человекъ съ большимъ художественнымъ чутьемъ, онъ въ области критики философской и художественной никогда не переставалъ быть наблюдателемъ русской души, русской совѣсти. Въ художествѣ слова передъ нимъ раскрывалась русская исторія, русская общественность, борющіяся настроенія и создаваемые ими идеи и практика, все запросы русской жизни. Ихъ освѣщеніе предъ читателями производилось у него съ глубокимъ, тонкимъ анализомъ и съ огромной эрудиціей, поражающей въ наше время. Намъ нѣтъ надобности напоминать читателямъ особенности его манеры писать. Онъ никогда не соблазнялся вышними приманками легкаго слога. Онъ старался быть понятенъ и быть понятенъ въ самыхъ сложныхъ вопросахъ. Но онъ требовалъ, чтобы и читатель стоялъ на высотѣ этихъ вопросовъ по своему вниманію къ нимъ. Онъ оставался всегда публицистомъ-профессоромъ, хотя, гдѣ нужно, давалъ яркіе образы излагаемаго, критикуемаго и защищаемаго.

Обращаясь постоянно въ сложной области жизни и не спускаясь до мелкой политики, но освѣщая ея вопросы анализомъ создающихъ ее идей, доводя сознаніе читателя до тѣхъ основъ, которыхъ голосъ только и способенъ оправдывать или осуждать частныя проявленія общественной и политической жизни, А. И. Введенскій дѣлалъ въ наше бѣдное и бесплодное время, быть можетъ, наибавжнѣйшее дѣло,—хранилъ въ обществѣ священный огонь высокаго развитія для лучшаго будущаго.

Эпоха 80—90-хъ годовъ, которая, казалось, ставила Россію на дорогу сознательнаго осуществленія своихъ историческихъ идеаловъ, была очень скоро подорвана пыльными вихрями псевдо-освободительства, вторженіемъ полуграмотнаго якобинизма въ область, гдѣ рѣшеніе можетъ принадлежать умамъ лишь высшимъ, избраннымъ. Эта буря, какъ вторженіе варваровъ, подорвала у насъ множество культурныхъ очаговъ, задержала и почти прекратила развитіе общества. Тяжело работать въ такое время, но А. И. Введенскій умѣлъ и завоевать себѣ вниманіе лучшей части общества и,

умирая, оставилъ по себѣ богатое наслѣдіе мысли, которое не исчезнетъ съ нимъ, а будетъ и послѣ его смерти развивать умы, готовя ихъ къ лучшему будущему, когда эпоха варваровъ смѣнится эпохой возрожденія.

Богатое наслѣдіе культурно развитой мысли оставлено имъ и какъ профессоромъ въ умахъ дѣлаго ряда поколѣній его слушателей студентовъ. Заложенное въ ихъ души, конечно, созрѣваетъ въ нихъ подъ вліяніемъ умственного и житейскаго опыта, и скажется въ свое время въ продолжателяхъ его дѣла. Но онъ и какъ публицистъ оставилъ огромное литературное наслѣдіе, которое будетъ поддерживать дѣло его жизни въ умахъ множества читателей, освѣщая для нихъ и наше время съ его борьбой направленій, и будущее съ его свѣтлыми надеждами. Онъ ушелъ отъ насъ въ лучшей міръ, но его наслѣдіе остается съ русскимъ обществомъ, съ дѣятелями Православной Церкви, съ дѣятелями возрожденія русской мысли, съ дѣятелями осуществленія Русскимъ народомъ его духовнаго содержанія, нынѣ придавленнаго мелкой политической борьбой.

Онъ самъ сходитъ въ могилу, но трудъ его жизни остается съ Россіей, будетъ продолжать дѣйствовать, и когда наступитъ время возрожденія русской культуры, она занесетъ его въ свои историческія скрижали, какъ одного изъ крупнѣйшихъ дѣятелей, подготовившихъ возможность этого возрожденія».

Въ «Голосѣ Москвы» (№ 53) г. Нолинъ писалъ:

— Смерть профессора Московской духовной академіи А. И. Введенскаго должна повергнуть въ глубокую печаль многочисленныхъ почитателей и учениковъ покойнаго. Онъ утасъ такъ неожиданно и рано, всего лишь 50 лѣтъ, въ полномъ блескѣ своихъ дарованій, не успѣвъ закончить многихъ начатыхъ и задуманныхъ трудовъ.

Глубокій и разносторонне образованный философъ, отличавшійся рѣдкой начитанностью и вмѣстѣ съ тѣмъ недюжинной оригинальностью и самостоятельностью мысли, А. И. Введенскій не довелъ до конца ни своей философской исторіи естественныхъ религій, ни системы теистическаго міропониманія (изъ первой вышелъ только одинъ томъ о рели-

гяхъ Индіи, изъ второй—одинъ выпускъ о законѣ причинности и реальности вѣшняго міра). Въ его многочисленныхъ статьяхъ дано, однако, не мало отдѣльныхъ этюдовъ для построенія этого теистическаго міровоззрѣнія, и общіе принципы и методы этой философской работы были намѣчены съ достаточной отчетливостью и ясностью. Въ своихъ научныхъ и литературныхъ трудахъ онъ являлся искреннимъ исповѣдникомъ христіанской философіи, церковныхъ идеаловъ, живого религіознаго опыта православной мистики... (Оправданіе вѣры разумомъ стало его призваніемъ, которое онъ блестяще и выполнялъ въ лекціяхъ, въ ученыхъ трудахъ и въ публицистическихъ статьяхъ.

Чрезвычайно работоспособный, покойный былъ широко освѣдомленъ въ философской и общей литературѣ, а въ двукратной заграничной командировкѣ отлично ознакомился и съ трудами и лекціями многочисленныхъ философовъ Германіи и Франціи и съ умственными теченіями Запада, давъ въ своей книгѣ—«Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи» блестящій очеркъ философскаго творчества Запада. Но онъ не уставалъ обращать вниманіе на то, что русская философія должна по преимуществу интересоваться вопросами и проблемами «цѣнности» жизни и бытія, выдвигать практическіе вопросы религіи и морали и давать жизненное ихъ разрѣшеніе. Философское осмысливаніе личной и общественной жизни, признаніе за ней нравственной и религіозной цѣнности, раскрытіе христіанскаго ученія и опыта, какъ идеала истинной жизни,—вотъ основныя темы его философской проповѣди, его «аксіологіи».

Проповѣдникомъ этой теистической и моральной философіи покойный А. И. являлся и въ своей публицистической дѣятельности. Эта послѣдняя отнимала у него не мало энергіи и времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался (съ 1897 г.) постояннымъ виднѣйшимъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей» (псевдонимъ А. Басаргинъ). Участіе въ этомъ органѣ не было, повидимому, выраженіемъ полного согласія покойнаго философа съ политической и общественной программой этой газеты, и въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ по большей части вопросамъ религіи, философіи и литера-

турной критики, А. И. не имѣлъ въ виду пропагандировать и защищать партійные лозунги, а просто пользовался гостепрїимствомъ этого органа для популяризаціи своихъ философско-религіозныхъ воззрѣній, консервативный характеръ которыхъ, естественно, сближалъ его съ эшигонами славянофильства и русскими націоналистами.

Необходимо отмѣтить, во всякомъ случаѣ, что эта публицистика была лишена узкой партійности, была философски объективна по содержанію и философски-терпима по тону, т.-е. отличалась тѣми качествами, которыя далеко не всегда были присущи А. И. въ личныхъ отношеніяхъ и общественной службѣ.

Поскольку и въ личномъ характерѣ, и въ служебной дѣятельности покойнаго проявлялась опять-таки эта философская убѣжденность и нравственная непоколебимость (а случавъ къ исповѣданію своей вѣры у А. И. представлялось не мало, особенно въ пору освободительныхъ движеній), постольку и личный его нравственный облигъ способенъ былъ порою привлекать глубокія симпатіи, и если онъ еще не успѣлъ явить въ себѣ полный и законченный типъ христіанскаго мудреца, то виною этого была ранняя смерть, въ своихъ же исканіяхъ и мистическихъ порывахъ, въ своей философской и преподавательской работѣ онъ искренне стремился къ тому, чтобы быть «философомъ-христіаниномъ».

Въ статьѣ г. Нолина позволительно остановиться на его намекѣ, что будто бы Алексѣй Ивановичъ не всегда отличался терпимостью «въ личныхъ отношеніяхъ и общественной службѣ». По всей вѣроятности авторъ почерпнулъ эти свѣдѣнія изъ какого-нибудь мутнаго источника, но весьма возможно, что вмѣстѣ съ этимъ авторомъ руководятъ широко распространенные у насъ и совершенно невѣрные взгляды на терпимость. Алексѣй Ивановичъ относился съ терпимостью къ атеистамъ, пантеистамъ, пессимистамъ. Я думаю, что иначе къ нимъ и не должно относиться. Если мы не умѣемъ ихъ переубѣдить, мы не имѣемъ права на нихъ сердиться. Мы должны ихъ выслушать и попросить, чтобы они выслушали насъ.

Но есть среди свободомыслящихъ особенный сортъ людей,

относиться къ которымъ съ рекомендуемою г. Нолинымъ терпимостію значить совершать преступленіе. Пусть представитъ себѣ нашъ авторъ, что я—православный по убѣжденіямъ, принявъ видъ католика, занялъ бы кафедру въ католической академіи и тамъ во имя свободы науки сталъ бы передъ слушателями опровергать догматы непогрѣшимости, Filioque и др. Или что подъ видомъ магометанина я бы проникъ въ магометанскую школу и сталъ бы доказывать, что Магометъ не пророкъ. Я думаю, что такъ могутъ поступать только безчестные люди, и что такъ могутъ поступать только не признающіе и не желающіе знать ничьей свободы, кромѣ своей. Вѣдь требованіе безусловной свободы науки въ православныхъ, католическихъ, буддійскихъ или иныхъ школахъ есть запрещеніе религиознымъ ассоціаціямъ устраивать школы, преподаваніе въ которыхъ освѣщалось бы и руководилось ихъ религиозными вѣрованіями. Я уважаю Милля и Спенсера, не смотря на ихъ неправославные взгляды; мнѣ очень нравились и я былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ теперь покойными Альберомъ и Жаномъ Ревилями, религиозные взгляды которыхъ я считаю совершенно неприемлемыми. Но вѣдь, эти люди не получали жалованья, наградъ и чиновъ отъ Св. Синода. Но что сказать о тѣхъ, которые «христіанскія овцы волною покрываются», получаютъ всѣ права и преимущества отъ православной церкви, и стремятся дискредитировать ее и ея ученіе. Что скажетъ г. Нолинъ о солдатахъ и офицерахъ, которые поступаютъ въ армію не съ тѣмъ, чтобы служить ея интересамъ, а съ тѣмъ, чтобы по возможности ее обезсилить. Для такихъ людей по законамъ всѣхъ государствъ одна награда—висѣлица. Могу увѣрить г. Нолина, что Алексѣй Ивановичъ никогда и не помышлялъ ни о чемъ подобномъ висѣлицѣ, но во имя свободы, которую онъ уважалъ несравненно больше, чѣмъ его противники, онъ признавалъ за православными (я то лишь теоретически) право исключать изъ своей среды лицъ враждебныхъ православію.

О личности Алексѣя Ивановича еще скажутъ люди, знавшіе его лично и близко. Безъ сомнѣнія о немъ будутъ высказываться различныя мнѣнія. Но безъ сомнѣнія также

окажется много людей, для которых онъ много сдѣлалъ. И я отрицаю, чтобы нашелся кто-либо, кто бы могъ доказать (сказать все можно), что покойнымъ по отношенію къ нему допущена сознательная несправедливость. А затѣмъ— для общества прежде всего важны даже не личность, а то, что сдѣлано личностью—ея дѣла. Дѣла Алексѣя Ивановича это—его печатные труды. Судить о нихъ представляется возможность каждому. О нихъ еще много должна сказать и несомнѣнно скажетъ печать. И не легучая газетная печать: о немъ будутъ говорить и въ журналахъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Еще дѣло Алексѣя Ивановича, это—его лекціи. Но того, что онъ былъ блестящимъ лекторомъ, что аудиторія его всегда была полною, этого не посмѣютъ отрицать и его враги.

А враги всегда будутъ у всякаго, кто искренне, горячо и прямолинейно служить какому-либо дѣлу. Враговъ не имѣютъ или по крайней мѣрѣ имѣютъ мало только оппортунисты.

Что дѣлать? Правду люди понимаютъ различно и порою въ борьбѣ за нее глубоко честные люди могутъ оказаться непримиримыми врагами.

Большимъ утѣшеніемъ для cadaго является, если онъ находитъ въ другихъ сочувствіе его борьбѣ за то, что онъ считаетъ правдой. Это утѣшеніе имѣлъ при жизни почившій, и тѣ, которые одинаково съ нимъ понимали правду, должны были получать это утѣшеніе у его гроба. Множество людей собирались въ квартиру Алексѣя Ивановича на панихиды, которыя совершались у его гроба почти безпрерывно.

Въ воскресенье, 24 февраля, днемъ, панихиду совершалъ преосвященный Анастасій, епископъ Серпуховской, соборнѣ съ многочисленнымъ духовенствомъ, среди котораго были сослуживцы и ученики покойнаго. Вечернюю панихиду въ тотъ же день совершалъ преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій, соборнѣ.

На первой панихидѣ присутствовали: редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» Л. А. Тихомировъ, секретарь редакціи

баронъ А. Э. Нольде, сотрудники газеты и многіе почитатели памяти усопшаго.

Въ понедѣльникъ, 25 февраля, дневную панихиду у гроба совершалъ кафедральный протоіерей храма Христа Спасителя В. С. Марковъ, а вечернюю—протоіерей І. І. Восторговъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства.

Днемъ на панихидѣ присутствовали: предѣдательница Общества для содѣйствія религіозно-нравственному и патріотическому воспитанію дѣтей княгиня С. А. Голицына, директоръ Педагогическаго Шелапутинскаго Института А. Н. Ясинскій, инспекторъ Московской духовной семинаріи С. Э. Ястребцовъ, сотрудники «Московскихъ Вѣдомостей», ученики и почитатели памяти усопшаго.

Вечеромъ на панихидѣ присутствовали: попечитель Московскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ А. А. Тихомировъ, представители духовно-учебныхъ заведеній, слушательницы богословскихъ женскихъ курсовъ, бывшіе слушатели и почитатели памяти покойнаго.

На дубовый гробъ покойнаго было возложено въ этотъ день нѣсколько роскошныхъ вѣнковъ, въ томъ числѣ: отъ семьи, отъ корпорации Императорской Московской Духовной Академіи—«Дорогому сослуживцу философу-христіанину А. И. Введенскому» (громадный фарфоровый вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ), «отъ семьи Самариныхъ» (крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ съ лаврами), отъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» —«Незабвенному товарищу А. И. Введенскому» (лавровый вѣнокъ съ пальмовыми вѣтвями), отъ братьевъ, сестеръ и зятьевъ (громадный фарфоровый вѣнокъ), отъ слушательницъ московскихъ богословскихъ женскихъ курсовъ.

26 февраля, въ 1 часъ дня, панихиду у гроба почившаго совершалъ преосвященный Евфимій, настоятель Заиконоспасскаго монастыря, соборнѣ съ ректоромъ Московской духовной семинаріи архимандритомъ Филиппомъ, синодальнымъ ризничимъ архимандритомъ Димитріемъ и другимъ духовенствомъ, при участіи хора пѣвчихъ.

На панихидѣ присутствовала Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна.

Среди другихъ присутствовавшихъ лицъ находились нашъ знаменитый художникъ В. М. Васнецовъ, преподаватели Московской Духовной семинаріи, студенты Духовной академіи и почитатели памяти умершаго.

Вечеромъ у гроба Алексѣя Ивановича инспекторомъ Московской Духовной Академіи архимандритомъ Анатоліемъ былъ совершенъ парастасъ (заупокойное всенощное бдѣніе) соборнѣ, при участіи хора пѣвчихъ. Почитатели переполняли квартиру почившаго.

Въ храмѣ Московской Духовной Академіи, по полученіи извѣстія о кончинѣ профессора А. И., 24 февраля была совершена панихида пресвященнымъ ректоромъ Академіи Теодоромъ, епископомъ Волоколамскимъ, соборнѣ съ инспекторомъ Академіи архимандритомъ Анатоліемъ, ректоромъ Виванской духовной семинаріи архимандритомъ Германомъ и другимъ многочисленнымъ духовенствомъ изъ Академической среды. Присутствовали профессора, доценты и студенты Академіи.

26 февраля у гроба прибавились новыя роскошныя вѣнки отъ почетнаго блюстителя Духовной Академіи В. Д. Попова, отъ крестниковъ и отъ Архангельскихъ.

На одной изъ панихидъ священникомъ Г. П. Богословскимъ, ученикомъ покойнаго, была произнесена слѣдующая рѣчь:

И торжественность сего богослуженія, и святители Божіи, провожающіе тебя въ вѣчную жизнь, и сродницы со знаемыми нынѣ собравшіеся у гроба твоего, не свидѣтельствуютъ ли все сіе о той великой любви къ тебѣ, о томъ глубочайшемъ, искреннѣйшемъ уваженіи къ тебѣ, какъ мужу науки, -- науки величайшей важности и цѣнности -- «христіанской философіи», -- ибо что можетъ быть важнѣе для человѣка, вѣрующаго во Христа, какъ не ясное, разумное, достаточно обоснованное, на началахъ разума и влеченія сердца, разумнѣе смысла и цѣнности нашей жизни? Этому уясненію, обоснованію смысла и цѣнности нашей земной жизни съ точки зрѣнія христіанско-религіозныхъ началъ жизни Ты посвятилъ всю свою жизнь, все свои труды, все силы своего ума и сердца, которыми такъ богато одарилъ тебя Го-

сподь Богъ. Въ своихъ академическихъ лекціяхъ, ученыхъ философскихъ трудахъ, публицистическихъ статьяхъ постоянно и неизмѣнно мы слышали твой призывъ: осмыслить, уразумѣть, вникнуть въ смыслъ жизни, понять ея высочайшую цѣнность, оцѣнить и развить тѣ драгоценнѣйшія потребности и силы духа, которыми отъ Бога, Своего Творца, надѣленъ человѣкъ. Никто, кажется, какъ ты, изъ христіанскихъ философовъ послѣдняго времени такъ ярко не подчеркивалъ и такъ убѣдительно не обосновывалъ цѣнность жизни съ точки зрѣнія религиозныхъ высшихъ, божественныхъ началъ, заложенныхъ въ человѣкѣ; никто, кажется, такъ не раскрывалъ весь сложный процессъ зарожденія и развитія религиозной потребности человечества,—той потребности, которая служитъ исходнымъ началомъ, корнемъ, питательнымъ источникомъ всѣхъ другихъ потребностей человѣческой души: и нравственной, и эстетической, и всей вообще культуры человечества. Только при такомъ универсально-единомъ религиозномъ взглядѣ на исторію человечества съ ея многосложными формами,—и исторія человечества и самая жизнь человѣческая получаютъ настоящее освѣщеніе своего смысла, своей цѣли и своей величайшей цѣнности, какъ проявленіе и раскрытіе богоподобныхъ свойствъ человѣческаго духа, питаемаго религиознымъ началомъ жизни. Какъ отрадно жить съ такимъ свѣтлымъ, высокимъ міросозерцаніемъ, съ такою глубокою вѣрою въ силу человѣческаго духа, но и какая, при этой вѣрѣ требуется напряженная, цѣлесообразная съ высшимъ религиознымъ назначеніемъ, работа духа, какая грандіозная рисуется перспектива будущей нашей земной жизни, какъ многоцѣнны и незабвенны должны быть всѣ прошедшіе этапы на пути развитія религиознаго сознанія человечества. Раскрывая предъ читателемъ постепенный ходъ въ развитіи религиозной мысли, въ естественныхъ или языческихъ религіяхъ, осторожно разбираясь въ безконечномъ лабиринтѣ ихъ учений, почившій Алексѣй Ивановичъ находилъ здѣсь крупицы отблеска христіанской богооткровенной истины, памятуя, что «душа по природѣ христіанка», и что «язычники естествомъ законное творять» (Римл. 2, 14 ап.); вскрывая, какъ опыт-

ный хирургъ, скальпелемъ своего критическаго разума слабыя стороны метафизики этихъ религій, особенно по ихъ нравственнымъ выводамъ для жизни, по ихъ нравственной цѣнности, — почившій философъ ясно показывалъ этимъ необходимость искать твердой опоры мысли и жизни — въ сверхъестественномъ божественномъ откровеніи, въ божественной помощи. Такъ неотразимо, постоянно и мудро приводилъ онъ наше сознаніе къ истинѣ христіанскаго ученія о боговоплощеніи Сына Божьяго, какъ центральнаго мірскаго событія въ исторіи религіозной мысли и жизни человѣчества. Вмѣстѣ съ покойнымъ знаменитымъ философъ В. С. Соловьевымъ онъ показалъ, что христіанское ученіе о воплощеніи Сына Божьяго не есть только отвлеченная богословская мысль, богословское умозрѣніе, а необходимость самой религіозной природы человѣка, ищущей себѣ спасенія въ Богѣ и чрезъ Бога, — есть жизненная реальная правда, насущный догматъ самой жизни, требованіе разума и нравственнаго чувства въ ихъ наивысшемъ, религіозномъ проявленіи. И если покойному В. С. Соловьеву принадлежитъ крупная заслуга въ области изученія главнымъ образомъ нравственныхъ началъ нашей жизни, на основѣ религіознаго ихъ первоисточника, то почившему А. И. принадлежитъ не менѣе крупная заслуга въ области изученія психологическихъ и метафизическихъ основъ этого религіознаго первоисточника, его генезиса, его историческаго развитія въ естественныхъ религіяхъ, въ философскихъ системахъ и типахъ, до завершительной стадіи развитія въ христіанской, богооткровенной религіи. Прослѣживая весь постепенный ходъ пробужденія и развитія религіозной идеи въ сознаніи философъ, въ религіяхъ языческихъ, раскрывая всѣ видоизмѣненія, наслажденія, затемненія и воскрешеніе вновь религіозныхъ началъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ социальныхъ этнографическихъ и экономическихъ условій жизни народовъ, почившій философъ разсматривалъ исторію философіи и исторію язычества, какъ исторію постепеннаго раскрытія доступной естественному ревностному сознанію истины и какъ исторію постепеннаго уясненія по-

слѣднимъ своихъ границъ (см. стр. 13, сего соч.: «Религіозное сознаніе язычества». М. 1902 г.). Въ наше время «язычествующаго сознанія», увлеченія ницшеанствомъ, буддизмомъ въ особенности, этою заманчивою, красивою религіею—увлеченія, нашедшаго себѣ и реальное осуществленіе—мы разумѣемъ недавнюю постройку храма въ честь Будды въ Петербургѣ,—чѣмъ, какъ не словомъ глубочайшей благодарности нужно помянуть почившаго философа-христіанина, съумѣвшаго такъ обстоятельно, такъ неопровержимо сильно раскрыть неудовлетворительность языческихъ религій особенно буддизма, снять съ него маску кажущейся истины и указать на полное превосходство предъ нимъ христіанской религіи. Вотъ почему и въ выборѣ темъ для сочиненій, и въ своихъ трудахъ болѣе или менѣе значительныхъ—почившій А. И. всегда старался о томъ, чтобы студентъ или читатель вынесли положительное знаніе христіанской истины, усвоили бы разумомъ, глубоко восприняли сердцемъ всю важность знанія религіозныхъ основъ нашей жизни, вдумались бы въ цѣнность этого знанія, какъ руководящаго начала въ самой жизни. Зналъ онъ, что сознанное, осмысленное, глубоко въ сердце запавшее религіозное чувство можетъ быть надежнымъ кормчимъ въ плаваніи по житейскому морю, полному соблазновъ, блужданія мысли,—можетъ согрѣть и освѣтить челоуѣку его жизнь. И вотъ этотъ апологетъ христіанства, этотъ обличитель лжеименнаго горделиваго разума, надѣющагося только на себя; обличитель лжи язычества и язычествующаго современнаго сознанія уходитъ отъ насъ въ ту вѣчную загробную жизнь, къ Тому Единому Истинному Живому Богу, о Которомъ онъ неустанно твердилъ намъ, какъ о источникѣ нашей жизни, о высшей цѣли нашей жизни. И глубокою грустью сжимается сердце при разлукѣ съ дорогимъ учителемъ, наставникомъ, философомъ-христіаниномъ. Намъ, пастырямъ церкви, почившій философъ останется вѣчно дорогимъ и незабвеннымъ учителемъ, ибо въ его трудахъ мы всегда найдемъ себѣ опору въ борьбѣ съ совершеннымъ невѣріемъ и невѣріемъ будущаго, всегда найдемъ себѣ запасъ самыхъ сильныхъ, неопровержимыхъ доказательствъ той христіан-

ской истины, которой мы служимъ. Отнынѣ у насъ есть «цитѣ вѣры и оружіе правды христіанской», отнынѣ мы имѣемъ оправданіе нашей вѣры, нашего упованія. Пусть сберутся все книжники и совопросники вѣка сего — мы не убоимся ихъ: у насъ есть отвѣтъ имъ въ трудахъ Алексѣя Ивановича. И въ тяжелыя минуты жизни, когда обуреваемымы житейскими невзгодами, дразгами и мелочами, когда отъ непосильнаго часто труда и заботъ хочется отдохнуть отъ всего обыденнаго, мелкаго, забыться, и вдохнуть въ себя новыя силы духа, — мы, пастыри церкви, питомцы той Академіи, которой ты отдалъ все силы, — твои ученики, — найдемъ въ твоихъ трудахъ, на страницахъ твоихъ серьезныхъ, ученыхъ сочиненій отдыхъ для нашей бѣдной, усталой мысли, найдемъ себѣ источникъ религіознаго вдохновенія, религіознаго наслажденія, позывъ на новый, никогда не прекращающійся трудъ уясненія себѣ христіанскихъ истинъ. На землѣ сей ты жилъ въ царствѣ мысли, возводя ее къ Царству надземному, къ Царству Небесному. Да даруетъ же тебѣ Господь это царство Небесное: вѣчное блаженство духа твоего въ безконечномъ, неизрѣченномъ созерцаніи Бога въ безконечномъ отнынѣ единеніи съ Нимъ. Вѣримъ, что не зарастетъ къ твоей могилѣ тропа ищущаго христіанской правды и вѣры. Аминь.

27 февраля съ необыкновенною торжественностью состоялись похороны Алексѣя Ивановича.

Литію предъ выносомъ гроба изъ квартиры покойнаго совершилъ преосвященный Анастасій, епископъ Серпуховской, соборнѣ съ инспекторомъ Московской Духовной Академіи архимандритомъ Анатолиемъ, архимандритами Дмитріемъ и Модестомъ и другимъ духовенствомъ. На выносъ тѣла прибыли профессоры и доценты Московской Духовной Академіи съ заслуженнымъ профессоромъ М. Д. Муретовымъ во главѣ, а также студенты Академіи, бывшіе ученики и почитатели памяти усопшаго. Гробъ изъ квартиры вынесли братья и сослуживцы по Академіи; печальная процессія направилась въ приходскій храмъ во имя св. Василия Кесарійскаго. Въ церкви гробъ былъ установленъ среди тропическихъ растений.

Въ одиннадцатомъ часу началось богослуженіе при большомъ стеченіи молящихся. Часы и литургію преждеосвященныхъ даровъ совершалъ ректоръ Академіи преосвященный Ѳеодоръ, епископъ Волоколамскій, въ сослуженіи инспектора той же Академіи Архимандрита Анатолія, синодальнаго ризничаго архимандрита Дмитрія, намѣстника Чудова монастыря архимандрита Арсенія, настоятеля приходскаго храма протоіерея А. Ѳ. Орлова, профессора Духовной Академіи священника В. Н. Страхова, инспектора Виѳанской духовной семинаріи іеромонаха Тихона (Тихомирова), брата почившаго священника Ѳ. І. Введенскаго и другого многочисленнаго духовенства изъ среды родственниковъ, учениковъ и почитателей памяти усопшаго.

Къ заупокойному богослуженію въ Васильевскій храмъ собрались: попечитель Московскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ А. А. Тихомировъ, предѣдательница Общества для содѣйствія религіозно-нравственному и патриотическому воспитанію дѣтей княгиня С. А. Голицына, фрейлина Государынь Императрицъ Е. А. Тучкова, супруга покойнаго редактора «Московскихъ Вѣдомостей» Л. Д. Грингмутъ, супруга нынѣшняго редактора Е. Д. Тихомирова, Московскій губернский предводитель дворянства А. Д. Самаринъ, П. Д. Самаринъ, профессора и доценты Московской Духовной Академіи почти въ полномъ составѣ, директоръ Педагогическаго Института имени П. Г. Шеллутина А. Н. Ясинскій, преподаватели того же Института, среди которыхъ были: директоръ 3-й Московской гимназіи Н. И. Виноградовъ, Е. В. Барсовъ, И. А. Лебедевъ, бывший окружный инспекторъ С. М. Зегеръ, бывшіе профессора Московской Духовной Академіи В. А. Соколовъ, Н. А. Заозерскій, почетный членъ Московской Духовной Академіи В. А. Кожевниковъ, С. А. Бѣлокуровъ, инспекторъ 2-го казеннаго реальнаго училища Н. М. Соловьевъ, епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ А. Д. Италинскій, сотрудники «Московскихъ Вѣдомостей» въ полномъ составѣ и служащіе въ конторѣ газеты, бывшіе ученики покойнаго профессора, изъ которыхъ нѣкоторые прибыли изъ другихъ епархій, слушательница Московскихъ женскихъ богословскихъ курсовъ, сту-

денты Московской Духовной Академіи, слушатели Педагогическаго Шелапутинскаго Института, многочисленные почитатели памяти покойнаго ученаго и писателя, а также бывшіе товарищи усопшаго по Виѣанской семинаріи и Академіи. Обширный храмъ былъ полонъ молящимися. На лѣвомъ клиросѣ пѣлъ студенческой академической хоръ.

Кромѣ перечисленныхъ на гробъ покойнаго были возложены еще вѣнки: отъ Педагогическаго Института имени П. Г. Шелапутина. Глубокоуважаемому члену съѣзда А. И. Введенскому, отъ студентовъ Московской Духовной Академіи—Дорогому и незабвенному профессору А. И. Введенскому и крестъ изъ лавровыхъ вѣтвей и живыхъ цвѣтовъ отъ слушателей Педагогическаго Шелапутинскаго Института — Глубокоуважаемому профессору-руководителю.

Послѣ причастиаго стиха сказалъ слово профессоръ академіи, священникъ В. Н. Страховъ:

«Блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ; ей, говоритъ Духъ, они успокоятся отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ идутъ за ними (Апокал. XIV, 13).

Итакъ, братіе, объ умершемъ нынѣ рѣчь и молитва. Онъ успокоился отъ трудовъ своихъ. Онъ вошелъ теперь въ по-Господу молитвы свои, онъ субботствуетъ теперь великою небесною субботою. Онъ вписанъ теперь въ книгу жизни Агнца, Котораго онъ возвѣщалъ въ своей дѣятельности. Ибо вѣрно слово Господне: «Всякаго, кто исповѣдуетъ Меня предъ людьми, того исповѣдаю и Я предъ Отцомъ Моимъ небеснымъ» (Мѡ. X, 32).

Вспомянемъ же съ молитвою, съ благодарною любовью, для назиданія себя, для утѣшенія его родныхъ и всѣхъ, кто уважалъ его,—вспомянемъ того, кто былъ христіаниномъ-учителемъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, кто былъ вѣрнымъ и преданнымъ сыномъ св. Церкви, кто зорко и мужественно стоялъ на стражѣ истинной академической науки и подлиннаго академическаго воспитанія, кто былъ опытнымъ совѣтникомъ,—скажу больше,—другомъ и покровителемъ своихъ младшихъ сотрудниковъ.

Вѣчная память тебѣ, знаменосецъ и вождь академической семьи! Въ наши сумрачные дни, во дни паденія вѣры и ревности, въ нашъ вѣкъ, когда легкомысліе и лжеименная ученость поднялись противъ Евангелія Христова и Его святой Церкви, когда люди, увлеченные вихремъ и потокомъ времени, готовы были продать свое христіански-церковное первородство за чечевичную похлебку, за мнимый-безрелигіозный и безцерковный—прогрессъ,—ты энергично возбудилъ «теченіе встрѣчное противъ теченія» и смѣло выступилъ на защиту историческихъ устоевъ академической богословной науки и академическаго церковнаго воспитанія. На знамени школы нашей золотыми буквами написаны слова Апостола: «вѣрою разумѣваемъ» (Евр. XI, 3). И, выполняя этотъ святой завѣтъ эллинскаго благовѣстника и великаго миссіонера, ты училъ насъ «плѣнять разумъ въ послушаніе Христово» (2 Кор. X, 5). Въ своихъ философскихъ трудахъ, въ своихъ сдушевленныхъ лекціяхъ и въ своихъ литературно-критическихъ статьяхъ училъ насъ освѣщать вопросы жизни подъ угломъ зрѣнія философа-христіанина. Ты былъ живымъ олицетвореніемъ церковной науки, которая была въ твоихъ устахъ и въ твоей жизни цѣльнымъ жизнепониманіемъ, опирающимся на начала церковной вѣры и углубляющимъ эти начала въ нашемъ сознаніи. И, свидѣтельствуя христіанскую истину, не только словами, но и дѣломъ, ты выполнялъ вторую великую задачу академическаго служенія. Кромѣ девиза: «вѣрою разумѣваемъ», обязывающаго насъ къ высшей ученой разработкѣ богословски-философской науки на церковномъ основаніи, у насъ есть и другой, не менѣе великій девизъ, завѣщанный намъ другимъ первоверховнымъ апостоломъ Христовымъ. Девизъ этотъ гласитъ: «покажите въ вѣрѣ вашей добродѣтель» (2 Петр. 1, 5) и обязываетъ насъ,—въ цѣляхъ наилучшаго выполненія второй задачи академическаго служенія-воспитанія въ учащихъ любви ко св. Церкви и ея установленіямъ и преданности Престолу и Отечеству,—прежде всего самимъ показать въ этомъ примѣръ. И для меня, мой дорогой наставникъ и мой вѣрный совѣтникъ, для меня особенно дорого въ эти минуты засвидѣтельствовать твою добродѣтель. Въ одинъ изъ общихъ нашихъ

лекціонныхъ дней. каждую недѣлю, мы встрѣчались съ тобой у мощей Преподобнаго Сергія. Это бывало раннимъ утромъ. Посадъ только просыпался. И ко гробу Преподобнаго шли за благословеніями на дѣла наставшаго дня, ученики и ученицы Посадскихъ школъ. И въ этой толпѣ юныхъ паломниковъ легко можно было замѣтить твою высокую фигуру, увидѣть тебя, всегда со свѣчой въ рукахъ смиренно преклоняющаго колѣна у раки Преподобнаго. Я вспоминаю и другое время. Въ невзрачной больничной обстановкѣ ты принималъ таинство елеосвященія. Взоръ твой горѣлъ любовью къ Богу, уста произносили вмѣстѣ съ соборомъ священнослужителей горячую молитву, изъ глазъ твоихъ не разъ скатывалась слеза. Ты чувствовалъ роковую развязку, но духъ твой былъ полонъ вѣры въ Господа и ты спокойно говорилъ о переходѣ въ другую жизнь, прося у присутствующихъ молитвъ за себя. Да, ты былъ глубоко преданнымъ Церкви Православной ея вѣрнымъ сыномъ! И въ этой своей практической дѣятельности вѣрнаго сына Церкви и убѣжденнаго слуги Престола и Отечества ты былъ «вѣренъ даже до смерти» (Апок. 2, 10). Ибо эта твоя дѣятельность ранила сердце твое и постыженно, но вѣрно, вела тебя къ роковому концу. Ты былъ защитникомъ науки богословско-церковной, и это не нравилось людямъ нецерковнымъ. Ты былъ поклонникомъ истиннаго прогресса, и это не нравилось поклонникамъ прогресса мнимаго. Ты имѣлъ большой авторитетъ и слово твое было со властью. И за все это тебѣ пришлось испытать много горечи и обидъ. Но ты боролся за славу академіи, за великія задачи академическаго служенія. И среди борцовъ и тружениковъ, кому будетъ обязана академія своимъ процвѣтаніемъ на почвѣ вѣрности своимъ историческимъ завѣтамъ, она не забудетъ и тебя.

Помолитесь же, братіе, за добраго и вѣрнаго сына Церкви святой. Умножь съ благодарною любовью свое моленіе, дорогая академія, за того, кто былъ вѣрнымъ стражемъ твоихъ историческихъ завѣтовъ. Помолитесь, братіе, за мужа совѣта и разума, да проситъ ему Господь грѣхъ его вольные и невольные, да подастъ ему во блаженномъ успеніи вѣчный покой..

Въ концѣ литургіи съ амвона произнесъ слово ректоръ академіи, пресвященный Теодоръ:

Предъ лицомъ смерти, братіе, смерти, взявшей изъ нашей академической семьи достойнѣйшаго собрата и изъ общественной среды симпатичнаго многимъ дѣятеля, трудно говорить о примиреніи со смертію. А говорить объ этомъ нужно; это долгъ нашъ пастырскій, долгъ служителей не только слова, но и вѣчной жизни, дабы не стать на ряду съ тѣми прочими „неимущими упованія“, кои безутѣшно скорбятъ объ умершихъ и не могутъ не скорбѣть о нихъ, ибо тайна смерти для нихъ сокрыта. Это долгъ нашъ предъ лицомъ и отъ лица той духовной школы, которая учитъ о вѣчной жизни, о духовныхъ тайнахъ, о религіозныхъ упованіяхъ, коимъ служилъ и усопшій собратъ нашъ конечно въ упованіи вѣчной жизни, но чрезъ тайну смерти. Итакъ, чтоже мы „имущіе упованіе“, но все-же скорбящіе объ умершихъ своихъ и теряющіе какъ бы это свое „христіанское упованіе“ предъ лицомъ смерти, можемъ говорить о примиреніи и для примиренія со смертію? Конечно мы разумѣемъ не то примиреніе со смертію, которое можетъ покоиться на мысли о неизбежности смерти для меня лично, для другихъ людей и вообще для всѣхъ живущихъ. И опять не то примиреніе разумѣемъ, которое покоится и называется въ какомъ-то странномъ тупомъ равнодушіи къ самому факту смерти, когда мы, видя или читая ежедневно о смерти знакомыхъ и незнакомыхъ людей, ни-мало этимъ не тревожимся, какъ будто насъ это и не касается и никогда не коснется. Мы разумѣемъ то примиреніе съ смертію, когда человекъ принимаетъ фактъ этотъ не только какъ неизбежный, но и какъ полный глубокаго смысла, принимаетъ мыслью своею въ осіяніе того небеснаго и высшаго свѣта, который сказывается въ сердцѣ человѣческомъ совершенно непонятнымъ для невѣрующаго настроеніемъ мира и даже благодарности предъ лицомъ самой смерти, какъ хорошо выражено это въ словахъ церковной пѣсни обращенной къ стоящимъ у гроба: „Придите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему, *благодаряще Бога...*“ благодаряще Бога... а вѣдь такъ еще недавно всего одинъ годъ

назадъ мы всё, знавшіе покойнаго, всей дружной нащей академической семьей благодарили горячо Господа за-то, что онъ далъ возможность жить и трудиться покойному среди насъ и для насъ и въ этихъ благодарныхъ молитвахъ искали себѣ надежды и еще долгое время видѣть его среди насъ. Какъ-же теперь, когда, можно сказать, еще не остыли въ нашихъ сердцахъ эти свѣжія чувства духовной радости и благодарности за милости Божіи, явленныя въ жизни и трудахъ покойнаго, какъ-же теперь, говоримъ, опять благодарить, когда и жизнь эта и труды самые, коимъ мы радовались, кончены?! Приемлемо-ли это, братіе, и возможно-ли въ одномъ сердцѣ и чувствѣ примирить эти противоположности? „благодаряще Бога... За что-же? „сеи бо оскудѣ отъ сродства своего и ко гробу тщится. не ктому пекійся о суетныхъ и о многострастной плоти...“ говоритъ церковная пѣснь. И опять, братіе, противорѣчіе. Мы радовались и благодарили Бога за то, что почившій при жизни своей такъ горячо преданъ былъ своему высокому дѣлу, такъ одушевленно служилъ нашей школѣ и чрезъ нее и церкви, такъ обнималъ и объединялъ всѣхъ своимъ словомъ, своей живою душой и такъ дорожилъ этимъ своимъ общеніемъ съ родными по духу, по общему дѣлу, по настроенію и совместной жизни людьми. И паки теперь благодаримъ Бога, что онъ оставляетъ это все свое духовное и плотское родство и ко гробу тщится.

Мы радовались и благодарили Бога за то, что почившій при жизни своей самая свои богатства духовныхъ дарований неустанно вкладывалъ въ эту постоянную течучесть нашей многотрудной жизни, изучалъ тщательно всѣ многообразныя проявленія осущившагося въ гордости своихъ помысловъ ума человеческого и самое свое имя влить крѣпко въ эту историческую течучесть жизни нашей школы и въ дѣльную цѣль ея главныхъ дѣятелей на этой непрочной почвѣ суетной стѣпнѣ человеческой земной жизни. И паки теперь приглашаемся и должны благодарить Бога за то, что онъ теперь оставилъ все это и свободенъ отъ этихъ трудовъ, кои сняскали ему и почетное имя, и должную дань уваженія и благодарности и быть можетъ въ будущемъ еще болѣе воз-

величили бы его, скажите, братіе, развѣ это не противорѣчіе?! Развѣ возможно естественному чувству одинаково благодарить за то разное, что взаимно исключаетъ другъ друга и одинаково относиться и воспринимать въ чувствѣ то, что противоположно другъ другу. Тутъ нужно какое-то особенное претвореніе или самого сердца нашего, или претвореніе въ нашемъ сердцѣ этихъ самыхъ противоположностей при помощи какой-то особой силы. Мы знаемъ, братіе, эту особую силу, и не только знаемъ, но имѣемъ ее и можемъ этой силой побѣждать какъ бы уставы естества нашего:— „творить бо Господь нашъ елика хочетъ“, иначе фальшиво должна звучать и эта прощальная церковная погребальная пѣснь. Тѣмъ то, братіе, и велико христіанство, тѣмъ-то оно сильно и безконечно цѣнно, что можетъ оно примирять всѣ противорѣчія нашей земной жизни, *коими* человѣкъ, чуждый благодати христіанства, мучится и терзается безконечно, а человѣкъ христіанинъ можетъ обращаться *ими же* къ тому вѣчному и единому, которое проникаетъ и оказывается во всемъ многообразіи и различіи земныхъ явленій. Такъ дивно примиряетъ христіанство противорѣчія мысли человѣческой въ ся основныхъ законахъ различія множества и единства: примиряетъ противорѣчія въ настроеніи, раскрывая возможность даже „радоваться въ скорбяхъ“, возможность странную для естественнаго чувства, примиряетъ оно и противорѣчія жизни не только между личностью и обществомъ но и въ единой личности примиряетъ это главное противорѣчіе—жизни и смерти въ основномъ началѣ и настроеніи христіанской жизни: „*благо* мнѣ яко смирилъ мя еси“ (Пс. 118, 71). Возможность во временномъ, случайномъ и множественномъ искать единое вѣчное и служить ему, проливая его свѣтъ всюду, возможность чувствовать всегда эти невидимыя связи личности нашей съ небеснымъ міромъ и законы высшаго нравственнаго міропорядка жизни раскрывать въ себѣ самомъ и утверждать какъ норму и земной жизни и возможность голосъ вѣчной жизни не заглушить въ душѣ своей земными звуками скоротечнаго времени, словомъ возможность въ этой еще земной жизни смотрѣть на себя и на свое дѣло съ точки зрѣнія вѣчности и вышей

правды, вот то великое, что даетъ и намъ христіанство и чѣмъ создаетъ оно въ человѣкѣ примиреніе всѣхъ противоположностей жизни, разрѣшая ихъ и высшимъ смысломъ и лучшимъ чувствомъ.

Въ этомъ и состоитъ подвигъ всей нашей жизни, въ этомъ ея смыслъ и высшее благо, на этомъ же поконятъ и самая возможность сказать не при жизни только и не при обзорѣннн только великихъ трудовъ „благодарите Бога“, но и при гробѣ всякаго труженника сказать тоже: „благодаряще Бога, прїидите послѣднее дадимъ цѣлованіе умершему“... Съ точки зрѣнія этихъ, конечныхъ цѣлей земной человѣческой жизни понятно, какъ можно при гробѣ всякаго примиренной душой сказать словами псалмопѣвца: „благо мнѣ яко смирилъ мя еси“. (Пс. 118, 71). И вѣистину смиряетъ человѣка смерть, какъ крайнее бѣдствіе жизни; смиряютъ его здѣсь и всѣ тѣ несчастія и скорби, коими сопровождается всякая жизнь на землѣ заканчивающаяся неизбѣжною смертію, побуждая человѣка самую жизнь свою строить такъ, чтобы быть выше этихъ скорбей и смерти; заставляютъ его улавливать въ этомъ потокѣ измѣнчивости жизни то цѣнное и вѣчное, что спасало-бы его отъ отчаянія и окрыляло бы его надеждой и силами къ той разумной работѣ, плоды которой недоступны для жесткой и холодной руки все сокрушающей смерти.

Смирись человѣкъ, вотъ урокъ страданій и смерти, и не хвались богатыи своимъ богатствомъ, ученый ученостью, сильный силою, юный юностью и т. д.: вкладывай и привязывай все это не къ тому, что носитъ печать разрушенія и смерти, а къ тому, что выше этого, хотя и раскрывается подъ этой формой.

Вы скажете: и все-же смерть не смиряетъ человѣка и не отвращаетъ лице его и сердце отъ обычнаго отношенія къ жизни. Объ этомъ говоритъ хорошо самое наше равнодушіе и безчувственность къ окружающей насъ ежедневно со всѣхъ сторонъ смерти. Да, братіе, это къ сожалѣнію вѣрно. Но все-же, что такое значить, что мы, всегда равнодушные къ смерти, когда слышимъ или читаемъ о ней въ газетахъ, совершенно мѣняемся, когда смерть эта касается ближе насъ,

похищая отъ насъ или сродника, или друга, или просто сослуживца, какъ вотъ это теперь? Почему мы дѣлаемся вдругъ такъ серьезны, грустны и задумчивы; какъ будто диссонансомъ какимъ начинается звучать, то обычное что мы постоянно слышимъ въ шумѣ обыденной жизни.

Обычные аккорды земной нашей жизни начинаютъ звучать уже не такъ, въ нихъ чувствуется какой-то новый необычный тонъ.

Братіе, это тонъ вѣчности, вкрапившейся вмѣстѣ съ громомъ близкаго намъ человѣка въ нашъ обычный тонъ временной земной жизни и онъ то звучитъ иначе, онъ-то зоветъ насъ и обращаетъ къ плану, и онъ-то насъ и беспокоитъ. Поистинѣ у каждаго гроба, братіе, какъ бы пересѣкаются линіи двухъ міровъ, горняго и дольняго, и чѣмъ ближе и дороже намъ этотъ гробъ, чѣмъ болѣе мы входимъ сердцемъ и душой въ гробъ родного намъ человѣка, тѣмъ сильнѣе и оцутимѣе слышимъ этотъ пересѣкшійся съ временнымъ и спустившійся къ намъ тонъ вѣчности. Это прекрасный и вмѣстѣ полезный урокъ для насъ всякаго гроба и всякой смерти: не забывай вѣчности, ибо она ежедневно около тебя, она постоянно вплетается въ твою жизнь и извлекай этотъ урокъ о вѣчности изъ всякаго гроба и отъ всякой смерти. Въ этомъ отношеніи молчаніе гроба кажется краснорѣчивѣе многихъ и прекрасныхъ словъ. А молчаніе нынѣшняго нашего гроба о той же вѣчности краснорѣчивѣе, тѣхъ словъ, коими услаждалъ насъ почившій. Мы рады отъ лица нашей школы и рады за нее, когда видимъ, что гробъ и молчаніе нашего профессора собрали здѣсь въ храмѣ еще болѣе громадную аудиторію, нежели та, какую онъ собиралъ при жизни. Да будетъ-же это его гробовое молчаніе принято нами какъ урокъ о вѣчности и съ тѣмъ же чувствомъ съ какимъ аудиторія академическая внимала его живой рѣчи.

Покойный работалъ во имя вѣчности; частіе во имя вѣчной истины. Онъ боролся съ ложью человѣческой мысли въ ея различныхъ построеніяхъ и проявленіяхъ въ теченіе всей своей ученой дѣятельности. Подвигъ громадной цѣнности и значенія. Вѣдь ложь мысли человѣческой, облеченная въ тогу прекрасныхъ словъ и глубокихъ философ-

скихъ построений, кажется самая ужасная ложь въ мірѣ, способная опутать человѣка, затмить въ своемъ его разумѣ, плѣнить его въ послушаніе гордыни человѣческой, отвлечь отъ истины Христовой и при томъ держать его еще въ упоеніи своимъ величіемъ и своей правдой. Обнажать эту ложь, ниспровергать этого кумира гордыни, и впускать въ эту сферу человѣческой лжи лучъ свѣта высшей и подлинной истины, сокрытой во Христѣ, это требуетъ не только таланта но и духовнаго подвига—подвига вѣры въ самую Христову истину. Этотъ подвигъ вѣры и являлъ усопшіи. Имъ онъ побѣдилъ и ту ложь жизни, которую мы называемъ смертію. Мы хорошо знаемъ, какъ онъ во время своей болѣзни, на смертномъ одрѣ воспринималъ эту самую смерть: предъ лицомъ своей смерти онъ смѣло и открыто говорилъ о безсмертіи и уже коснѣющимъ языкомъ читалъ окружаемымъ лекцію о безсмертіи. Эта послѣдняя побѣда надъ „последнимъ врагомъ жизни“—смертію—есть тайна его духовнаго опыта, намъ не понятнаго, тутъ не идеи его только и логика, при помощи коихъ и мы можемъ разбираться въ идеяхъ философскихъ, а самое уже творчество новой жизни, новаго человѣка и новаго бытія и повторяетъ, въ сферѣ недоступнаго для насъ его личнаго духовнаго опыта. Приемля эти уроки отъ гроба почившаго нашего собрата, помолимся усердно, чтобы и тамъ онъ не устыдился и не смутился предъ „лицемъ лютаго Міродержца“, и чтобы своей вѣрой и истиннымъ покаяніемъ онъ побѣдилъ начальника всякой лжи—дѣвола и водворился въ небесныхъ обителяхъ. Отца Свѣта и Истины. Аминь.

Передъ отпѣваніемъ выступилъ съ своимъ словомъ доцентъ академіи В. А. Троицкій:

Если бы кто насъ, нынѣ съблужающихъ и болѣзнующихъ спросилъ: что есть гласъ вопля сего?—мы могли бы отвѣтить словами народа, потерявшаго свою драгоценную святиню: отошла слава отъ Израиля (1 Цар. 4, 14, 16, 21, 22)!

Давно ли онъ, полный мысли и силы, предстоялъ предъ нами и мы готовы были его воспѣвать. А нынѣ онъ предлежитъ предъ нами бездыханный и мы будемъ его отпѣвать. Давно-ль неслись ему привѣтствія со всѣхъ сторонъ и всѣ-

единими усты и сердцемъ, полнымъ торжества и радости, возглашали: многая лѣта! Одно лишь лѣто миновало,—и мы пришли сюда дать послѣднее цѣлованіе ему, умершему и съ сердцемъ, скорбью горькой пронзеннымъ, воспѣть: вѣчная память. Тогда съ торжествомъ и радостью подсчитывали мы, какъ много мы получили отъ него. Нынѣ остается намъ лишь скорбѣть и тужить отъ сознанія того, какъ много мы потеряли въ этой смерти.

Почилъ отъ трудовъ своихъ неутомимый труженикъ, даже на томъ болѣзненномъ одрѣ, съ котораго судилъ ему Богъ перелечь на одрѣ погребальный, даже на этомъ одрѣ просившій у Бога жизни лишь для окончанія своихъ трудовъ.

Умеръ учитель жизни, много лѣтъ говорившій молодымъ поколѣніямъ о смыслѣ жизни. Увы! не будетъ ужъ больше въ Академіи поколѣній, о которыхъ можно бы сказать словами библейской царицы: Блаженни отроцы твои сїи, иже предстоятъ предъ тобою всегда, слышаще всякій смыслъ твой (3 Цар. 10, 8)!

Ушла великая сила, ибо не ложно слово Писанія: блага мудрость паче силы, блага мудрость паче орудій ратныхъ (Еккл. 9, 16, 18).

Смерть поразила могущественнѣйшую власть, ибо это была «власть надъ умами». И какая власть! Власть, сознающая всю свою отвѣтственность. Вѣдь покойный едва ли не одинъ въ Россіи за послѣдніе годы говорилъ и писалъ о «философской отвѣтственности» (Христіанинъ. 1908, т. 3, стр. 782—800), а самъ и дѣломъ, и словомъ проповѣдывалъ ту непреложную истину, что «власть надъ умами» должна принадлежать лишь тому, кто надъ своимъ умомъ признаетъ власть вѣры. Дѣломъ проповѣдывалъ эту истину покойный, потому, что, будучи ученымъ и мыслителемъ, онъ былъ и не стыдился быть вѣрнымъ и послушнымъ сыномъ Церкви. Словомъ проповѣдывалъ онъ эту истину, когда училъ, что лишь вѣра и безсмертіе даютъ смыслъ и цѣнность земной жизни смертнаго человѣка (см. конспектъ курса метафизики, стр. 113—116), когда указывалъ на область вѣчнаго, какъ на разгадку земнаго, и на достиженіе Божественной Истины,

какъ на смыслъ «міровой трагедіи знанія» (Богословскій Вѣстникъ. 1908, т. 1, стр. 181—182).

Умеръ тотъ, кто и всю духовную школу настойчиво звалъ къ вѣрующей «власти надъ умами», когда, отмѣчая «переломъ въ современномъ общественномъ сознаніи», убѣждалъ «сосредоточить всѣ силы разума на оживленіи въ личномъ и общественномъ сознаніи полузабытой правды вѣчной, на проведеніи ея въ современную мысль, въ господствующія настроенія, въ живыя практическія отношенія» (Богословскій Вѣстникъ. 1911, т. 1, стр. 132).

Умеръ судія, ибо почившій прежде всего старался самъ быть судіей и цѣнителемъ общественныхъ настроеній, господствующихъ направленій мысли и тѣмъ оправдывалъ слово Писанія: мужъ мудръ судитъ языки (Притч. 29, 9).

Нынѣ мы представители высшей церковной школы, должны проститься съ тѣмъ, кто такъ самоотверженно служилъ этой школѣ, кто болѣлъ и скорбѣлъ ея несчастіями, утѣшался ея радостями. Почившій хорошо зналъ и твердо помнилъ заветы высшей церковной школы, за вѣрность этимъ заветамъ ратовалъ, самъ высоко и съ честью несъ знамя Академіи и горяче убѣждалъ до послѣднихъ дней и насъ, молодыхъ, продолжать его великое дѣло. Воистину былъ онъ славой и украшеніемъ нашей духовной школы и радовались мы, видя его среди насъ. Нынѣ же нѣтъ намъ радости, потому что нѣтъ больше его среди живыхъ. Отошла слава отъ Израиля!

Дщи людей монахъ, дщи академическая! Препоясися вретичемъ и посылися пепломъ, плачь возлюбленнаго, сотвори тебѣ рыданіе горько, понеже внезапно прииде на тя заустѣніе (Іерем. 6, 26)!

Заустѣніе... Вотъ что особенно больно чувствуется въ Академіи послѣ этой смерти! Будто могучій дубъ стоялъ почившій среди насъ, молодой поросли. Привыкли мы на него надѣяться. Вѣрили, что бурямъ и непогодамъ не одолѣть его. Да, бури и вѣтры не сломили могучаго дуба, ужасная болѣзнь, какъ червь, подточила его крѣпкіе корни, упалъ онъ и лежитъ предъ нами мертвъ и бездыханенъ... Осиротѣли мы и жутко стало намъ, молодымъ, на открытомъ

мѣстѣ... На наши духовныя и церковныя твердыни несутся новыя и новыя бури, новыя и новыя испытанія, а его съ нами нѣтъ. Мы одни...

Вотъ почему нынѣ, когда могучій духъ, покинувшій это смертное тѣло, на невидимыхъ огненныхъ колесницахъ восходитъ ко Господу Богу, изъ сердца просится молитва: Да его вѣчнаго духа перейдетъ Иорданъ смерти и вселится въ руй, Господи, чтобы духъ, который былъ въ немъ, сугубъ былъ въ насъ (4 Цар. 2, 9)!

По нашему человѣческому соображенію рано окончилъ почишій свое земное странствованіе. На то Божья воля... Нынѣ погребемъ мы тѣло его. Но вѣдь священный кивотъ землю обѣтованную. О мирномъ успокоеніи души почившаго въ этой землѣ и да будетъ наша молитва. Господь, обращай во утро сѣнь смертную (Амосъ 5, 8), да просвѣтитъ душу усопшаго раба Своего, какъ солнце, въ царствѣ Небеснаго Отца!

Покой, Спасе нашъ, съ праведными раба Твоего и сего всели во дворы Твоя, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни въздыханія, но гдѣ жизнь безконечная!

Начавшееся въ первомъ часу дня отпѣваніе совершали преосвященный Анастасій, епископъ Серпуховской, и ректоръ Академіи преосвященный Феодоръ, соборнѣ съ инспекторомъ Академіи архимандритомъ Анатолиемъ, синодальнымъ различнымъ архимандритомъ Димитріемъ, настоятелемъ Знаменскаго монастыря архимандритомъ Модестомъ, намѣстникомъ Чудова монастыря архимандритомъ Арсеніемъ, кафедральнымъ протоіереемъ В. С. Марковымъ, протоіереемъ І. І. Восторговымъ и другимъ многочисленнымъ духовенствомъ, среди котораго находились сослуживцы покойнаго по Академіи, ученики и почитатели; всего на отпѣваніе вышло до 50 лицъ.

Умилительный чинъ отпѣванія, при стройномъ пѣніи большого хора, продолжался болѣе двухъ часовъ. Во время отпѣванія были произнесены четыре рѣчи.

Профессоръ С. С. Глаголевъ сказалъ слѣдующее:

Прости, дорогой товарищъ и другъ, ты ушелъ изъ этого міра, ушелъ въ томъ возрастѣ, когда работа ученаго обык-

новенно становится наиболѣе производительной. Можно дѣлать научныя открытія и въ 20 лѣтъ, но нельзя овладѣть никакою научною дисциплиною ранѣе, чѣмъ въ десятилѣтія. Ты овладѣлъ философіей и ея исторіей, основательно изучилъ богословіе и литературу, далъ намъ труды и въ другихъ областяхъ—отъ политики до естествознанія вѣлѣчительно. Ты хотѣлъ печатать свой курсъ и вотъ—тебя нѣтъ болѣе. Богъ дастъ этотъ курсъ будетъ напечатанъ, но уже не ты напечатаешь его. Ты взялъ отъ насъ. Почему? Зачѣмъ? Можетъ быть въ своихъ исканіяхъ истины ты такъ приблизился къ Истинѣ, что Истина взяла тебя къ Себѣ. Не намъ судить пути Всевышняго. Смирною скорбію мы можемъ лишь оплакивать тебя, вѣрниѣе — самихъ себя, потерявшихъ въ тебѣ рѣдкаго руководителя и учителя. Для академіи твоя смерть—тяжелая утрата. Тяжелая утрата, это—и для меня лично, ибо въ послѣдніе годы я позналъ тебя, оцѣнилъ и полюбилъ.

Почившій былъ крупнымъ и оригинальнымъ талантомъ. Еще будучи на студенческой скамьѣ, онъ печаталъ свои произведенія. Обсуждая старыя вопросы, онъ всегда подходилъ къ нимъ съ новой точки зрѣнія. Его статьи никогда не были шаблонными. Его магистерская диссертация—Вѣра въ Бога, ея происхождение и основанія—была крупнымъ вкладомъ въ русскую богословскую и философскую науку. На нее мало обратили вниманія въ печати, но это не помѣшало печати пользоваться ею, и изъ его книги переливался матеріалъ въ сочиненіяхъ подписанныхъ другими авторами. Затѣмъ въ одинъ годъ онъ далъ двѣ книги, не считая разныхъ статей и составленія лекцій. Это—«философія въ современной Германіи и Франціи» и «Западная дѣйствительность и русскіе идеалы». Я тогда только что занявшій кафедру въ академіи былъ пораженъ и талантиностью, и трудолюбіемъ автора. Онъ самъ, впрочемъ, еще тогда говорилъ мнѣ какъ-то, что онъ переутомился. Несомнѣнно, что онъ переутомился. Но послѣ этого онъ также работалъ 20 лѣтъ, и вотъ—теперь нашелъ покой въ могилѣ. Его работы были не только оригинальными съ точки зрѣнія идей, но онѣ впервые знакомили русское общество со многими идеями

запада. Онъ первый изложилъ Паульсена, доселѣ еще послѣ него не написано ничего крупнаго о Мэнъ де Биранѣ. Онъ могъ бы легко переработать свою книгу о нѣмецкой и французской философіи, въ докторскую диссертацию, но вмѣсто этого онъ предпочелъ дать на доктора обширное изслѣдованіе «о религіяхъ Индіи», и здѣсь, въ этомъ трудѣ онъ высказалъ идеи болѣе глубокія и цѣнныя, чѣмъ тѣ, которыя высказываются обыкновенно. Онъ попытался проникнуть въ душу язычника, понять его религіозное сознаніе, между тѣмъ какъ обыкновенно по исторіи религій лишь излагаются факты и объясняются изъ историческихъ факторовъ.

Всѣ его сочиненія были проникнуты глубокою православною религіозностью. Онъ не рисовался этой религіозностію, не кричалъ громко о своемъ православіи, православіе было его внутреннимъ жизненнымъ принципомъ, онъ исполнялъ христіанскія обязанности скромно и только если внимательно слѣдить за нимъ, можно было подмѣтить, какъ онъ глубоко религіозенъ. Безъ сомнѣнія въ этой религіозности и въ качествахъ его души нужно искать объясненіе того, что его работы обыкновенно были проникнуты сердечностію. И особенно эта сердечность чувствовалась, когда онъ говорилъ. Надѣленный блестящимъ ораторскимъ даромъ, онъ вливалъ въ сердца слушателей свои мысли и взгляды. И это не только тогда, когда онъ говорилъ о людяхъ намъ близкихъ и дорогихъ, наприм., о В. Д. Кудрявцевѣ, но и тогда, когда говорилъ о людяхъ, философско-религіозныя убѣжденія которыхъ отстоятъ отъ нашихъ очень далеко. Помню его рѣчь объ Эдуардѣ Гартманѣ. Что общаго можетъ быть у православнаго философа съ мыслителемъ, написавшимъ книгу о саморазложеніи христіанства? И однако рѣчь почившаго звучала сердечностію и любовью. Онъ отдалъ должное всему тому, что было у Гартмана хорошаго, и потомъ уже показалъ существенные недостатки его философіи. Находить хорошее у противниковъ—это нелегкое дѣло, и это лучший способъ привлекать сердца и убѣждать умы. Во всякомъ заблужденіи есть доля истины и во всякомъ искреннемъ заблужденіи нужно цѣнить искренность заблуждающагося. У покойнаго А. И. — ча и было такое доброе и благородное отноше-

ніе къ разнымъ мыслителямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ христіанствомъ, мыслителямъ, взгляды которыхъ онъ излагалъ и подвергалъ своему серьезному и глубокому, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно спокойному разбору.

Благодарствомъ вѣяло отъ него. Въ немъ чувствовалось достоинство мыслителя-христіанина. Спокойный, увѣренный въ себѣ онъ внушалъ къ себѣ уваженіе уже своимъ видомъ, сильно дѣйствовала и его блестящая рѣчь. Въ своихъ собесѣдникахъ онъ обыкновенно находилъ какія-нибудь добрыя черты; это умѣнье находить хорошее въ человѣкѣ, когда люди обыкновенно находятъ въ своихъ ближнихъ дурное, поразительно. Онъ умѣлъ не помнить зла. Я, увлекаемый собою и разными вліяніями, причинилъ ему много огорченій на пространствѣ 1897—1905 годовъ и я потомъ видѣлъ, что онъ искренно простилъ меня.

Меня поражала въ немъ его твердость. Его взгляды, видно, сложились очень рано, онъ никогда не мѣнялъ ихъ, не смущался ихъ высказывать и руководиться ими, когда они были очень не въ модѣ и когда они вызывали противъ себя рѣзко несочувственные протесты. Онъ былъ всегда самимъ собою. Онъ руководился своею православною совѣстью, а не выгодами. Онъ искалъ царствія Божія, прочее приложилоъ само собою.

Но немного приложилоъ ему на землѣ тяжкій грудь, тяжкая болѣзнь, могила. Были у него и иныя скорби, и онъ преждевременно посѣдѣлъ отъ нихъ. И какъ будто онъ предчувствовалъ, что смерть поджидаетъ его и на своемъ юбилеѣ, бывшемъ годъ назадъ, сказалъ, что за юбилеемъ слѣдуетъ некрологъ.

На пространствѣ почти столѣтняго существованія академіи три профессора философіи прошли предъ нами—*Θ. А. Голубинскій, В. Д. Кудрявцевъ и А. И. Введенскій*, всѣ они представляютъ собою красоту и гордость академіи. Что ждетъ Академію въ будущемъ столѣтіи? Это извѣстно одному Богу. Будемъ молить о добромъ будущемъ въ Академіи, чтобы Господь далъ ей профессора въ духѣ и силѣ почившаго раба Алексѣя и будемъ молить объ упокоеніи его безсмертной души.

Студентъ IV курса академіи, Ѳ. К. Андреевъ, работавшій надъ кандидатскимъ сочиненіемъ подъ руководствомъ Алексѣя Ивановича, произнесъ рѣчь о лекціяхъ Алексѣя Ивановича, какъ его слушатель:

Въ одной книгѣ, которую почившій Алексѣй Ивановичъ читалъ уже на смертномъ одрѣ,— послѣдней книгѣ изъ той тысячи, которую онъ прочелъ за свою жизнь, онъ отчеркнулъ дрожащей рукой такія слова: «Наступитъ время, когда меня будутъ лучше понимать и больше любить, и которое будетъ снисходительнѣе относиться ко мнѣ и простить мнѣ мои недостатки и ошибки, ибо оно пойметъ, что я никогда не измѣнялъ святому долгу... Это видно изъ моихъ произведеній... Не знаю, заслужилъ ли я, чтобы на мою могилу возложили лавровый вѣнокъ. Но пусть на мой гробъ положатъ мечъ, ибо я былъ честнымъ солдатомъ...».

Не намъ, молодымъ его ученикамъ, оцѣнивать его философскую дѣятельность: это сдѣлаютъ люди съ болѣе широкимъ научнымъ кругозоромъ, это сдѣлаетъ время и судъ потомства. Но, мы должны повѣдать этимъ людямъ и оставить потомкамъ то, чего первые могутъ не знать, чего послѣдніе не будутъ знать навѣрное. Вѣдь мы были его слушателями, мы его видѣли, говорили съ нимъ... О чемъ онъ говорилъ? «это видно изъ моихъ произведеній», отвѣчалъ онъ, но изъ этихъ произведеній не видно, какъ онъ все это говорилъ... Онъ занималъ философскую кафедру въ теченіе двадцатипяти лѣтъ, двадцать пять разъ прочелъ онъ курсъ своихъ лекцій; онъ многое въ нихъ разнообразилъ, онъ внимательно слѣдилъ за текущей литературой, знакомилъ своихъ слушателей съ новыми явленіями въ области философіи.— Но, его слушалъ всегда одинъ и тотъ же курсъ; средний уровень знаній его аудиторій былъ всегда одинъ; тотъ уровень налагалъ предѣлы его программѣ, измѣненіе курса могло совершаться лишь въ опредѣленныхъ границахъ, эти границы были узки. Опасность однообразія, боязнь повтореній вставала передъ нимъ постоянно. Эта опасность усилилась въ послѣдніе годы, когда онъ позволилъ издать конспектъ своихъ лекцій, чтобы облегчить слушанье и подготовку къ экзаменамъ. Теперь механичность, холо-

ность, заученность—все признаки ремесла, все неизбежные спутники всякой профессии готовы были пробраться и въ его философскую аудиторію.—Но, это имъ не удалось, онъ ихъ не пустилъ, и не пустилъ именно тѣмъ, какъ онъ читалъ.

Мы слушали его въ послѣдніе годы его жизни, а намъ казалось, что это былъ первый курсъ, который онъ читалъ, казалось будто онъ только что вернулся изъ своей заграничной командировки и спѣшилъ подѣлиться съ нами тѣмъ, что онъ самъ только что узналъ, что было для него ново и волновало его. Каждый годъ развертывалъ онъ передъ своими слушателями одну и ту же картину, измѣчивую въ подробностяхъ, но тождественную по своей общей композиціи, а намъ казалось, что эта картина только что написана и не въ однихъ лишь деталяхъ, а и въ основномъ ея планѣ, и онъ записывалъ ее на нашихъ глазахъ въ теченіи лекціоннаго года. Но это не было простымъ обманомъ; не интересъ новаго предмета заставлялъ насъ забывать заученную размѣренность его рѣчи: мы знали каждый разъ заранее о чемъ онъ будетъ читать, передъ нами лежалъ его конспектъ, —нѣтъ, дѣло здѣсь не въ новости свѣдѣній, а въ самой его рѣчи. Въ ней не только не было монотонности, заученности или холода: она была жива, подвижна, какъ то вѣчно молодая и свѣжа. Каждый новый курсъ онъ точно переживалъ за ново. Каждое новое повтореніе дѣлало его все старѣе по времени, но мы забывали о времени, когда слушали эти повторенія...

Да, это былъ, по истинѣ, «честный солдатъ»-ветеранъ: въ каждый новый походъ шелъ онъ такой же бодрый, какъ и на первую битву; онъ и въ старости служилъ «святому долгу» наставника такъ же честно, какъ и въ тѣ годы, когда въ немъ еще кипѣла молодая кровь.

Но такимъ онъ былъ не только на службѣ: дома, внѣ лекцій, свободный отъ узъ программы, какъ отъ тяжелаго ранца, съ которымъ онъ совершалъ свои трудные походы, онъ становился еще отзывчивѣе на каждое новое движеніе философской мысли, на каждую интересную книгу,—тогда онъ еще больше молодѣлъ и счетъ годовъ терялся для

него... Уже умирая, но временами вѣря въ исцѣленіе, онъ набрасывалъ планы статей, обдумывалъ темы будущихъ работъ... Работа его ума продолжалась еще, когда пульсъ уже не былъ слышенъ...

«Не знаю, сказалъ онъ, заслужилъ ли я, чтобы на мою могилу возложили лавровый вѣнокъ»... но, онъ уже возложенъ: онъ сплетался ему давно; это—вѣнокъ наставника, съ любовью совершавшаго свой подвигъ, это—награда честному воину, за честную службу нашему общему Небесному Вождю.

Послѣ г. Андреева съ словомъ къ покойному обратился протоіерей І. І. Восторговъ:

Дорогой Алексѣй Ивановичъ!

Казалось бы, что послѣ того, какъ здѣсь сослуживцы и ученики твои изобразили съ такою любовью твой духовный образъ, мнѣ уже нечего прибавить къ сказанному.

Помню, когда полтора года назадъ, такъ же, какъ и сейчасъ, собрались около тебя твои ученики и почитатели въ день двадцатипятилѣтія служенія твоего Церкви и наукѣ,—тогда я не рѣшился и не осмѣлился пройти впередъ сквозь тѣбѣнный кругъ сплотившихся около тебя твоихъ непосредственныхъ слушателей по Академіи,—учениковъ въ собственномъ и точномъ смыслѣ слова, не посмѣлъ выступить съ своимъ привѣтствіемъ къ тебѣ, ибо я не имѣлъ высокаго счастья принадлежать къ числу такихъ твоихъ учениковъ.

Но теперь надъ гробомъ твоимъ, искренно почитаемый мужъ науки, въ минуту послѣдняго «прости», позволь мнѣ принести тебѣ дань любви, уваженія, благодарности отъ лица учениковъ твоихъ въ широкомъ и высшемъ смыслѣ этого слова, безмѣрно болѣе многочисленныхъ, чѣмъ твои непосредственные слушатели,—отъ лица тѣхъ, что читали твои произведенія, воспитывали на нихъ свое міровоззрѣніе, обогащались отъ тебя познаніями и введены были твоимъ печатнымъ словомъ къ вершинамъ истиннаго знанія, приводившаго къ вѣрѣ и всегда запечатлѣннаго вѣрою. Ты много зналъ; много имѣлъ талантовъ:—но все блистательныя способности своего духа—спасибо тебѣ за это! —ты от-

далъ Церкви, и къ ней приводилъ всѣхъ этихъ, упомянутыхъ мною многочисленныхъ твоихъ учениковъ.

Ты умѣлъ это дѣлать со свойственнымъ тебѣ особымъ искусствомъ, сладкою властью, свободнымъ плѣномъ захватывая и покоряя мысль твоего читателя, приводя его къ той степени увѣренности и убѣжденности, которая уже опредѣляла дальнѣйшее направленіе всего душевнаго его строя. Изслѣдовалъ ли ты источники происхожденія и основанія религіозной вѣры; разсматривалъ ли ты исторически и философски религіозное сознаніе народовъ; слѣдилъ ли ты за словомъ и мыслью философовъ всѣхъ временъ; давалъ ли ты самостоятельное изложеніе систематической философїи; разсматривалъ ли ты западную дѣйствительность, отбѣняя и подчеркивая при этомъ русскіе идеалы; обозрѣвалъ ли ты произведенія писателей прошлаго и текущаго времени: оцѣнивалъ ли думы, чувства и настроенія, волнующія жизнь современнаго образованнаго общества; углублялся ли ты въ тайники духовной жизни этого общества, намѣчая и опредѣляя въ ней «переломы» и поворотные пункты, — всюду и всегда шелъ ты съ зажженнымъ свѣточемъ вѣры, вѣрою все разумѣвалъ и къ вѣрѣ призывалъ всякаго вдумчиваго твоего читателя. *Sul specie aeternitatis*, ты разсматривалъ и осмысливалъ все необозримое теченіе человѣческой мысли и жизни, — и вотъ, въ эту то вѣчность ты вошелъ теперь всецѣло съ твоимъ пытливымъ духомъ.

Да будетъ радостенъ для тебя свѣтъ вѣчности, да пройдетъ туда къ тебѣ и наша благодарность за то, что ты до изнеможенія силъ и до послѣдняго вздоха трудился въ земномъ ея благовѣстїи! Сколько служителей Церкви утверждались твоими твореніями и въ своей рѣшимости отдать жизнь Церкви, и въ своемъ дальнѣйшемъ трудѣ и подвигѣ! Сколько колѣблющихся умомъ находили въ нихъ опору вѣры!

Годъ всего пришлось тебѣ поработать на женскихъ богословскихъ курсахъ, отъ имени коихъ я также почитаю долгомъ здѣсь принести и засвидѣтельствовать тебѣ благодарность. Наука наукъ, философїя, — какъ часто она бываетъ какою-то каторгою для мысли, если она вся обращена въ сухія логическія формулы и отвлеченности! Но ты сумѣлъ

дать ей душу живу,—и женщины, которыхъ такъ часто почитаютъ лишними философскаго склада, слушали тебя съ захватывающимъ вниманіемъ и интересомъ, ждали съ нетерпѣніемъ твоихъ лекцій, чтобы твоимъ словомъ освѣтить свои сужденія, провѣрить свои взгляды, осмыслить свои вѣрованія.

Иди же къ свѣту вѣчности, куда тебя призвалъ теперь Превѣчный, и да будетъ тебѣ наша благодарная любовь добрымъ провожатымъ и спутникомъ въ твоемъ устремленіи къ Богу. Котораго ты искалъ, и въ жизни въ Богѣ, которой ты всегда жаждалъ, о которой поучалъ,—и мыслю, и словомъ, и «пишущею рукою»!

Последнее теплое слово было сказано братомъ почившаго, профессоромъ Д. И. Введенскимъ.

Дорогой трудникъ и братъ!

Се—надъ тобою знаменіе смерти! Вѣчность столкнулась съ временемъ и приняла отъ временнаго вѣчное!

Страшно бываетъ, когда вѣчность непоборимой силой властно вторгается во временное и насильно уводитъ путника жизни, рвущагося изъ объятій вѣчности.

Куда онъ идетъ? Что съ нимъ?—спрашиваетъ тогда немнѣющая вѣра—и невольный страхъ западаетъ въ душу близкихъ, опасующихся за истощеніе милосердія Божія къ умершему.

Но для близкихъ твоихъ нѣтъ мѣста такому страху, потому что этого страха не было для тебя самого. Ты не боялся никѣмъ необойденной дорожки, которую заботливая рука усыпаетъ зеленью и на которую не охотно вступаетъ нога живыхъ, боящихся смерти.

Какъ профессоръ, ты былъ другомъ вѣчности. Какъ христианинъ, ты былъ ся исповѣдникомъ.

Всегда указывавшій проблески вѣчности во временномъ, ты, всего нѣсколько дней назадъ, говорилъ мнѣ: «въ страданіяхъ открывается для меня великая тайна смерти, тайна претворенія временнаго въ вѣчное, тайна необыкновеннаго просвѣтленія духа».

И около тебя, исповѣдника вѣчности, точно около корня могучаго дуба, еще при жизни твоей, стали рваться къ свѣту

молодые заботы—продолжатели твоей религиозно-философской мысли. И одному из них ты передал, в моем присутствии, крѣпкій заветъ: «оберегать для современнаго общества вѣчно отъ слишкомъ сильнаго давленія временнаго».

Ты хорошо зналъ, что все, «что минута создаетъ, то на минуту намъ и пользу лишь даетъ».

Какъ и всѣ люди, ты зналъ настроенія минуты, но, не какъ всѣ люди, ты ревниво ограждалъ чистый храмъ души твоей отъ торжества въ немъ минутныхъ настроеній.

И вотъ, этотъ чистый храмъ готовъ теперь! Отъ хранилища тѣла твоего ты провелъ терпѣливо перенесенными, на одрѣ болѣзни, страданіями непорванными нити высь—къ Богу, къ вѣчности...

Твой вѣчный храмъ строился изъ несокрушимаго гранита твердой вѣры, честной мысли и ни разу непреданныхъ искреннихъ убѣжденій.

И около этого гранита незримо вьется теперь открыто исповѣданный тобою при жизни, несѣченный, но выстраданный на смертномъ ложѣ, крестъ, какъ пресѣченіе твоей личной воли съ волею Божественною. Поэтому, спасительный символъ—Крестъ Христовъ съ пересѣченными древами—есть, по праву, твой символъ.

Въ исторіи человѣчества едва ли найдется другой, болѣе выразительный, моментъ, чѣмъ созиданіе двухъ градовъ—града человѣческаго и града Божія. Исторически оба эти града начали строиться на одной и той же почвѣ: это вѣчный, цвѣтущій Римъ и подземныя катакомбы. Но странно: любующіе сыны человѣческаго града всегда боялись смерти; вѣрующіе же чада града Божія, отказывавшіяся отъ солнечнаго свѣта, отъ роскоши и удовольствій жизни, радостно прозрѣвали за временною вѣчную жизнь.

И ты, дорогой братъ, жилъ на землѣ не во градѣ человѣческомъ, а во градѣ Божіемъ!

Предемертвныя страданія твои были для тебя лишь экзаменомъ по той наукѣ, которую преподавалъ ты въ шко-

лѣ и въ жизни. И этотъ экзаменъ показалъ въ тебѣ достойнаго учителя, служившаго за долгъ и за совѣсть вѣчному граду Божію.

Истрадавшаяся, бездыханная нынѣ, плоть твоя—се знаменіе смерти!.. Но дѣла твои, твоя вѣра—се знамя побѣды человѣческаго духа надъ смертію силою благодати Божіей!.. И это послѣднее знамя всецѣло прикрываетъ первое.

Любовь твоей семьи, твоихъ братьевъ, сестеръ и почитателей провожаетъ плоть твою въ земную колыбель, а молитвы ихъ, подъ крылами Церкви напутствуютъ духъ твой въ вѣчность.

Черезъ вѣру и страданія ты идешь ко Христу, а Христосъ, черезъ Церковь и молитвы грядетъ къ тебѣ.

Ей! гроби Господи!

Трудникъ, страдалецъ и братъ! прими Христа, прими нашу любовь, наши молитвы за тебя ко Христу и наше послѣднее цѣлованіе. Аминь.

Преосвященный Анастасій прочиталъ послѣ канона стихиры. Отпѣваніе закончилось лишь въ третьемъ часу дня. Много времени заняло прощаніе.

Послѣ отпѣванія, при пѣніи студентами Святыи Боже, гробъ изъ храма вынесли сослуживцы по Академіи, студенты и родственники. Преосвященный Анастасій соборнѣ съ архимандритами Анатолиемъ и Димитріемъ и другимъ духовенствомъ совершилъ литію и печальная процессія, сопровождаемая множествомъ народа, направилась къ квартирѣ усопшаго. Студенческій хоръ пѣлъ Святыи Боже. За гробомъ слѣдовали вдова съ сыномъ, братья, родственники и многочисленные почитатели. У квартиры почившаго преосвященный Анастасій совершилъ литію, при стройномъ пѣніи студентовъ. Отсюда процессія, сопровождаемая архимандритами Анатолиемъ и Димитріемъ и другимъ духовенствомъ, прослѣдовала на Миусское кладбище; у храмовъ по пути шествія были отслужены литіи. Процессія растянулась на большое протяженіе; гробъ сопровождали профессоръ и сослуживцы почившаго по Академіи, по редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», по Институту, многіе представители ду-

ховенства, бывшіе ученики, студенты Академіи и слушатели Института.

Процессія прибыла на кладбище въ четыре часа дня и была встрѣчена преосвященнымъ Теодоромъ, епископомъ Волоколамскимъ, который у св. вратъ совершилъ литію. Шествіе двинулось къ могилѣ, приготовленной около храма, съ южной стороны, недалеко отъ могилы родителей и родственниковъ усопшаго. Преосвященный Теодоръ совершилъ послѣднюю литію. У открытой могилы были произнесены двѣ рѣчи. Первую произнесъ студентъ 1 курса Е. Я. Кобрановъ.

„Слуга.... словеси“ (Лук. 1, 2).

Христіанинъ-философъ! Позволь и моему смиренію отъ лица самыхъ юныхъ членовъ Академической семьи бросить горсть виміама предъ твоей величественной личностью, поскольку свѣтъ сокровищъ твоего духа былъ отблескомъ «Тихаго свѣта славы Отца Небеснаго», былъ блескомъ Бога—Слова, усѣявшаго универсъ сѣменами, искрами своихъ совершенствъ. Я буду «пѣть» о тебѣ, положу красивый букетъ иммортелей слова на твой гробъ, принесу каплю мира «душѣ твоей не потому только, что, по словамъ древнихъ, *«de mortuis aut bene aut nihil»*. Арфа души должна зазвучать, коли вихрь по струнамъ ея мчится! «Возрастъ юности мятежный», возрастъ полноводья жизни, тѣмъ и славится, что болезненно «алчетъ и жаждетъ правды», искренне хочетъ оцѣнить все по достоинству, прощая все, безудержно стремится воздать великому должное. Пусть у гроба твоего, философъ-учитель, дышали хвалой, изнемогали печалью уста «сильныхъ», старшихъ! Не умолчу и я! Кто-то увѣрялъ насъ: «у юношей слово жизни кричащей, самое искреннее, самое живучее... Они идутъ!»

Мы пришли къ твоей каедрѣ, помѣстились у ногъ твоихъ (подлинно: напѣ Гамалиилъ), незадолго до того, когда голосъ твой пересталъ звучать съ высоты профессорскаго сѣдалища. Послѣдній приливъ юношества *ad aliam matrem* засталъ корифея академической науки уже низко, низко надъ западнымъ горизонтомъ жизни. Любопытные глаза молодыхъ прищельцевъ видѣли лишь вечерній свѣтъ, недолгій

блескъ сіянія усопшаго теперь профессора. Но это не препятствуетъ отъ избытка сердца говорить устамъ! Пришедшіе «во единоедесятый часъ» получаютъ часто столько же, сколько явившіеся на трудъ въ первомъ часу. На солнце вечеромъ удобнѣй смотрѣть, чѣмъ утромъ и въ полдень. Есть предметы и картины, которыя только въ вечернихъ лучахъ являются въ настоящемъ своемъ видѣ. Исчезшую звѣзду первой величины, мы наблюдали -въ прозрачной атмосферѣ вечера. Вечеромъ живымъ. А. І. предсталъ предъ своими слушателями въ тонѣ «Слуги Слова», «жреца Тихаго Свѣта», свѣточемъ «Бога-Разума», «сыномъ свѣта».

Я не знаю, какъ свѣтъ личности несравненнаго профессора лился въ различныя стороны жизни, но достаточно помню, какъ лучи этого свѣта текли, лучились и искрились по всѣмъ радіусамъ въ сладкой тиши философской аудиторіи. Въ благоуханномъ просторѣ названной аудиторіи онъ сіялъ мощно и тихо, какъ звѣзда. «Слуга Слова», «Сынъ Свѣта», «маякъ Самимъ Создателемъ восженный» былъ видѣнъ въ ушедшемъ отъ насъ педагогѣ во всемъ.

Свое отвѣтственное дѣло профессора философіи, науки «о вещахъ небесныхъ и земныхъ» покойный наставникъ совершалъ одушевленно, торжественно, какъ литургію. Онъ зналъ, что подъ его рѣзцомъ въ академической студіи не глыбы мрамора оживляются, а созидаются «живыя души», таящія въ себѣ «образъ неизреченной Божіей славы. Потому носитель божественнаго огня никогда (подлинно: «не пахалъ своего Гамлета»), не былъ «наемникомъ», а всегда только восторженно исполнялъ красивый пышный ритуалъ мистеріи. Въ этомъ отличительномъ флерѣ дѣятельности усопшаго нельзя не усмотрѣть господствующей характерной черты «слугъ Слова», величайшій изъ которыхъ восклицаетъ предъ отшествіемъ къ вожделенному Христу: «Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ» (II Тим. 4, 7—8). Ахъ, Сердцевѣдче, какъ мало въ сумеркахъ современной жизни такихъ ревностныхъ творцовъ изящной дѣйствительности, здоровыхъ идеалистовъ, являющихся «крыломъ могучимъ, подъемлющимъ на высоту родныя имъ сердца!»

Жрецъ «Всежитреца Слова», плѣнниваго весь міръ въ по-

слушаніе Свое, сказывался въ незабвенномъ свѣточѣ богословской науки, и тѣмъ, что онъ подобно «ловцамъ челоуковъ» очаровывалъ сердца приходившихъ къ нему на «пиръ» философскій. Какъ вѣщій баянъ, философъ-наставникъ вкладывалъ свои нѣжные пальцы на живыя струны души, и онѣ сами гремѣли гимнъ Истинѣ, Добру, Красотѣ. Онъ умѣлъ свои сомнѣнія сомнѣніями намъ представить, повѣрить такъ, чтобы заставить вѣрить и другихъ. Какъ игра божественнаго Орфея, какъ гармонія сферъ небесныхъ, какъ шелестъ волнъ морскихъ гдѣ-нибудь у береговъ французской ривьеры, звуки крылатыхъ словъ профессора вкрадывались въ душу, крѣпили тамъ и въ своихъ мощныхъ объятіяхъ уносили ее «отъ міра печали и слезъ» въ «горнее мѣсто», страну чудную, премірную. Подъ животворными лучами всей его недюжинной, обаятельной личности сердца, таяли проливались и, какъ капли по стеблю, струились въ указанномъ направленіи. Такъ этотъ славный носитель добрыхъ сѣдыхъ завѣтовъ Платоновой по духу Академіи училъ насъ не только идеи разсматривать при тускломъ свѣтѣ дѣйствительности, но и дѣйствительность при выскреннемъ свѣтѣ идей.

Какъ идейный вождь юношества, А. І. шелъ по стопамъ Божественнаго Педагога, Добраго Пастыря. Мантія опыта украшала его, ореолъ мудрости вѣнчалъ его главу. При насажденіи и культивировкѣ добра онъ твердо держался принципа: «*Omnia sprouts fluat et absit violentia in omnibus*». Въ отношеніи къ содержанію преподаваемаго почившій наставникъ былъ разборчивъ, какъ добрый садовникъ относительно бросаемыхъ сѣмянъ. Онъ самъ въ одной изъ первыхъ лекцій говорилъ: «Идей—силы; ими шутить, бросаться нельзя» и прекрасно иллюстрировалъ данное положеніе сюжетомъ извѣстнаго романа Поля Бурже «Ученикъ». При всемъ этомъ плащъ глубокаго смиренія покрывалъ философа христіанина. Не преувеличивая своей профессорской задачи, онъ какъ-то высказался, что взошелъ на кафедру не отвѣчать на вопросъ: «что есть истина?» а лишь указать пути къ ней; сказать: «вотъ тамъ истина, идите въ этомъ направленіи»!

Чрезвычайно характеренъ, братія мои, для сего рѣдкаго

мужа и тотъ небесно-идеалистическій фонъ, на которомъ его глубокая мысль начала было вышивать предъ нами дивныя узоры философемъ. Онъ являетъ въ немъ духъ, внутри присно томившійся жаждою Бога, стремившійся на солнечныхъ крыльяхъ Платоновскаго Эроса, проникнуть къ пренебесному престолу Слова, Агнца. Уча различать между философіей и филодоксіей, несравненный сказывалъ намъ о чудномъ, но трудномъ пути философствованія, конецъ котораго теряется въ высотъ Олимпа философскаго созерцанія. А тонкія струнки христіанской тоски психей о божественномъ Эросѣ скользили, извивались между словъ. Съ его рѣчи предъ нашими глазами предносилась красочная панорама этого пути и муки самосознанія и міросознанія, и труды опаснаго подъема на гору философскаго созиданія, и радость при видѣ необъятныхъ горизонтовъ на вершинѣ, вдыханія свѣжаго воздуха, укрѣпленіе силъ и, наконецъ, схождение въ гущу жизни для возсозданія послѣдней. При созерцаніи всѣхъ этихъ художественныхъ картинъ, открыто говорю, душа трепетала, какъ пробудившійся орелъ и въ пока туманной дымкѣ широкихъ перспективъ чуяла явленіе «великаго совѣта Ангела». Ахъ, какъ эти восторги далеки, какъ не возвратимы.

Итакъ ты, дорогой профессоръ, служилъ І. Х., а Онъ намъ всѣмъ въ лицѣ «друговъ» Своихъ сказалъ: «Аще кто Мнѣ служить, почититъ Его Отецъ Мой» (Іоанн. 12, 26).

Волею Бога, на службѣ Которому протекла жизнь твоя, ты, кормчій добрый, ушелъ отъ насъ, покинулъ насъ. Блекнутъ краски, исчезаютъ ароматы, въ пугѣ искръ превращаются звѣзды, — со всѣмъ этимъ можно при желаніи примириться. Но съ порожденіемъ грѣха — «смертію человѣка», смертію созидателя жизни въ особенности не хочется. Виждь, Боже, не хочется! Кто подобно ушедшему къ Тебѣ обогатитъ насъ знаніемъ, кто укажетъ путь къ царству истины, кто озаритъ свѣтомъ интеллекта вселенную, освѣтитъ мутныя глубины жизни?! Придутъ другіе, но не ты, славный наставникъ! Нѣтъ! Грохотъ волнъ морскихъ не заглушитъ совершенно скорби по тебѣ, лучъ солнца не разгонитъ ее, роса утренняя, цвѣты весеннія, звенящая весенняя даль, задор-

ная свѣжесть полей, клейкіе листочки, пріяный запахъ земли не наполняютъ душу безоблачною радостію, когда нѣтъ того, кто давалъ «паче меда» устамъ нашимъ, кто улаждалъ насъ благоуханіемъ мудрости. Развѣ Ты, Боже, утѣшишь насъ, поставивъ усопшаго у «пренебеснаго мысленнаго Твоего жертвенника». Только Ты можешь сдѣлать это, имѣющей «ключи» ада и смерти». Убѣли же хитонъ души нашего чтимаго наставника, какъ волну; сдѣлай чистымъ, какъ снѣгъ! Дай ему—безпреткновенно пройти воздушные пути къ горнему Иерусалиму! Какъ вѣтеръ разрываетъ тонкія облака, такъ Ты раздери хартію грѣховъ его! Духъ тьмы до не усмотритъ пятенъ на брачной одеждѣ «поклонника» Твоего, чтобы онъ воскресъ въ жизнь вѣчную въ послѣдній день. Твоя воля «да всякъ видий Сына и вѣруай въ Него имать животъ вѣчный». А онъ вѣровалъ, вѣрою жилъ, на основѣ ея создалъ! Ты примешь его въ свои «обитали многіи». И слезы наши превратятся въ душистыя розы тогда.

Послѣдняя рѣчь принадлежала слушателю Педагогическаго Института В. С. Сергѣеву, который указалъ, что въ лицѣ А. И. Введенскаго слушатели Института утратили «незамѣнимаго профессора-руководителя».

Господа, мы стоимъ передъ открытой могилой профессора Алексѣя Ивановича Введенскаго. Великое множество людей разныхъ состояній, пола и возраста, пришедшихъ отдать послѣдній долгъ покойному, уже само по себѣ свидѣтельствуеетъ, что сегодня опускаютъ въ могилу не совсѣмъ обыкновеннаго покойника, ординарнаго, простаго человѣка. Да, господа, и на самомъ дѣлѣ, въ настоящую минуту мы стоимъ на краю могилы не только средняго ординарнаго человѣка, но прямо безъ натяжекъ и преувеличеній—великаго, чтобы не сказать—геніальнаго.

Что изъ себя представлялъ покойный проф. Алексѣй Ивановичъ Введенскій, какъ философъ, какую философскую позицію онъ занималъ, къ какой ученой школѣ онъ примыкалъ, обо всемъ этомъ я надѣюсь поговорить въ другое время, когда мысли придутъ въ надлежащее равновѣсіе и чувство уступитъ первое мѣсто строгому, сухому разсудку; теперь же, когда всѣ присутствующіе повергнуты въ неопи-

суемую печаль и скорбь, когда слезы сдавливают дыханіе, нельзя думать о сколько-нибудь углубленной оцѣнкѣ умершаго, въ высшей степени оригинальнаго и самобытнаго русскаго ученаго. Да, къ тому же ученая дѣятельность покойнаго столь многогранна, такъ много областей мысли и жизни захватилъ творческій умъ Алексѣя Ивановича, что даже для самой бѣглой и общей характеристики потребовалось бы значительное время, а главное спокойное состояніе духа. Я ни одной секунды не сомнѣваюсь, что даже въ самомъ недалекомъ будущемъ появится цѣлый рядъ характеристикъ Алексѣя Ивановича, какъ философа, мыслителя и педагога, принадлежащихъ перу людей разныхъ направлений, убѣжденій и толковъ.

Въ настоящій же, тяжелый для насъ всѣхъ здѣсь собравшихся, моментъ я попытаюсь охарактеризовать проф. Алексѣя Ивановича, конечно, не претендуя на исчерпывающую полноту, какъ философа-гносеолога и педагога за два послѣдніе года его жизни, т.-е. за время его научно-педагогической дѣятельности въ стѣнахъ перваго въ Россіи педагогическаго института.

Въ 1911 учебномъ году, т.-е. въ годъ открытія педагогическаго института проф. Ал. Иван. Введенскій былъ приглашенъ въ качествѣ лектора и руководителя практическихъ занятій по логикѣ. Принимая приглашеніе, Ал. Ив. прекрасно понималъ, какая трудная задача поставлена передъ преподавателемъ логики именно въ педагогическомъ институтѣ, гдѣ наряду съ общими задачами преподавателя философіи ни на одну минуту нельзя упускать изъ виду спеціальныхъ, чисто-педагогическихъ цѣлей. Къ этимъ двумъ основнымъ условіямъ присоединились тысячи другихъ затрудненій, обусловленныхъ, такъ сказать, временемъ и мѣстомъ. Конечно, обыкновенный ординарный профессоръ, не мудрствуя лукаво очень скоро нашелъ бы выходъ изъ этого исключительнаго по трудности положенія, сталъ бы читать курсъ «догматической» традиціонной, вошедшей въ составъ всѣхъ учебниковъ и руководствъ, гносеологии и логики, не претендуя на изложеніе методовъ и результатовъ, добытыхъ неуспынными трудами современныхъ міровыхъ авто-

ритетовъ. А какъ разъ, вѣдь, наиболѣе выдающіеся труды по гносеологіи и логикѣ приходится на послѣднія 10—15 лѣтъ.

И я отлично помню, когда мы, студенты педагогическаго института, особенно интересовавшіеся гносеологическими проблемами нашихъ дней съ нетерпѣніемъ ожидали, что «преднесетъ намъ профессоръ духовной академіи». Теперь я совершенно откровенно сознаю, что я никакъ не могъ предположить, что послѣ Zimmel'я, Rickert'a и др. міровыхъ знаменитостей, можетъ дать что-либо новое и оригинальное Ал. Иванов., тѣмъ болѣе,—а это главное,—я, къ глубокому моему стыду, до тѣхъ поръ не былъ знакомъ съ основными трудами по философіи Ал. Ив. Но вотъ наступаетъ понедѣльникъ. Въ 12 часовъ (26 октября), первая вступительная лекція Ал. Ив., послѣ первыхъ привѣтствій и обмѣна мыслей *pro domo sua* (относительно перестановки часовъ и пр.) Ал. Ив. намѣчаетъ въ краткихъ словахъ программу своего курса и, наконецъ, переходитъ къ общей характеристикѣ современныхъ теченій въ философской дисциплинѣ. Первую лекцію въ педагогическомъ институтѣ Ал. Ив. читалъ безъ перерыва, т.-е., два часа, и эти два часа навсегда останутся для меня памятными—такъ глубоко проникли въ сознание первыя слова, услышанныя мною отъ незнакомаго до тѣхъ поръ профессора духовной академіи. Уже на первой своей лекціи Ал. Ив. сразу далъ почувствовать, что мы имѣемъ дѣло съ огромной ученой силой, съ человѣкомъ, совмѣщающимъ колоссальную философскую эрудицію съ несравнимымъ высоко-художественнымъ даромъ изложенія. Характеристика Гегеля, Зигварта и Бергсона, предложенная аудиторіи Алексѣемъ Ивановичемъ на первой его лекціи въ педагогическомъ институтѣ, произвела прямо исключительное впечатлѣніе на всѣхъ слушателей. Ал. Ив. сумѣлъ дать богатую пищу и хорошо подготовленнымъ, и мало подготовленнымъ; сумѣлъ заинтересовать оригинальной постановкой вопросовъ тѣхъ, которые уже и раньше имѣли интересъ и чувствовали симпатію къ философскимъ наукамъ и въ тоже самое время заронить искру священнаго огня философскаго знанія въ души лицъ малоосвѣдомлен-

ныхъ въ философіи. И тѣ, и другіе были въ восторгѣ; передъ тѣми и другими открылись новые горизонты, и тотчасъ, послѣ лекціи около профессорской комнаты, гдѣ находился Ал. Ив., выстроилась цѣлая шеренга слушателей, желавшихъ предложить тотъ или иной вопросъ по поводу прочитаннаго, при чемъ особенный интересъ вызвало стремленіе Ал. Ив. помирить всѣ вышеназванныя и по общему мнѣнію діаметрально противоположныя ученія. или, какъ онъ любилъ выражаться, найти нѣчто общее, которое объединило бы всѣ системы, всѣхъ людей—живыхъ и мертвыхъ. Въ томъ, что современная наука, разбившись на неисчислимое множество отдѣльныхъ дисциплинъ, утратила самое высшее всеобъединяющее и все собою наполняющее, дающее всему жизнь и одухотвореніе — словомъ Абсолютъ, Ал. Ив. видѣлъ ея слабое, обильное грозными и страшными послѣдствіями мѣсто. Найти утраченное общее, Абсолютъ, познать вещь въ самой себѣ, къ чему такъ рвется современное человѣчество въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей. Ал. Ив. привѣтствовалъ всю душу, такъ какъ въ противномъ случаѣ люди, потерявъ вѣру въ общее, Абсолютъ, никогда не сумѣютъ выработать опредѣленнаго міровоззрѣнія и міропониманія и, шатаясь изъ стороны въ сторону, вносятъ въ жизнь неуравновѣщенность, тревогу и безпокойство. Такъ въ общихъ чертахъ обосновывалъ свою метафизику проф. А. Ив. Введенскій. Огромная важность и интересная постановка вопроса, какъ мы сказали, послѣ первой уже лекціи собрали около Ал. Ив. цѣлую толпу слушателей, и, несмотря на большую усталость, и вполне естественный нервный подъемъ. Ал. Ив. никого не обидѣлъ, охотно выслушивалъ возраженія и недоумѣнія со стороны слушателей, давалъ поясненія, рекомендовалъ литературу и т.п. Такимъ образомъ, уже первая двухчасовая, точнѣе, если принять во вниманіе бесѣду въ профессорской комнатѣ — шестичасовая лекція, сразу рѣшила—съ кѣмъ намъ придется имѣть дѣло на лекціяхъ и семинаріяхъ по логикѣ—вѣрнѣе по гносеологіи. Дальнѣйшія лекціи блестяще подтвердили неограниченное и никогда неизгладимое впечатлѣніе первой. Съ каждымъ днемъ Ал. Ив. развѣтывался и

давалъ ясно понять и почувствовать, что онъ свою задачу понять очень широко и что онъ никоимъ образомъ не думаетъ «преподносить» намъ курсъ «догматической», традиционной, расплывающейся по всѣмъ швамъ гносеологической логики. Нѣтъ, какъ разъ напротивъ, Ал. Ив. рѣшилъ стать въ фокусъ современной науки. Онъ отлично понималъ и глубоко чувствовалъ, что старая гносеология и ея составная часть—логика—дѣйствительно нуждаются въ генеральномъ пересмотрѣ всѣхъ ея основныхъ положеній и капитальной перестройкѣ главныхъ ея отдѣловъ, и Ал. Ив. видимо рѣшилъ использовать свои блестящія дарованія и огромную эрудицію и съ своей стороны положить посильную лепту на алтарь логики—чистаго знанія. Работать же въ области гносеологической и логики въ двадцатомъ столѣтїи, какъ хорошо извѣстно всякому, занимающемуся философскими дисциплинами, въ высшей степени трудно, требуется почти сверхчеловѣческое напряженіе мысли и всесторонняя освѣдомленность, наконецъ, особое философское чутье, если позволено такъ выразиться, вкусъ къ тончайшимъ изгибамъ и движеніямъ человѣческаго ума. Логизмъ, психологизмъ, трансцендентализмъ, имманентизмъ, интуитивизмъ, критицизмъ и множество другихъ философскихъ теченій, имѣющихъ въ своихъ рядахъ выдающихся ученыхъ, способны прямо раздавить даже очень хорошо вышколенного специалиста, ненадѣленнаго даромъ философской интуиции, даромъ проникновенія въ самую суть вещей. При такихъ исключительныхъ во всѣхъ отношеніяхъ условіяхъ взошелъ на кафедру, въ педагогическомъ институтѣ, проф. Ал. Ив. Введенскій; разумѣется, о какой-нибудь философской «догматикѣ» при такомъ положеніи вещей не могло быть и рѣчи, пока что приходилось работать лабораторнымъ методомъ, осторожно и методически разбирать одну нить за другой въ тончайшей ткани современной философской мысли, все время боясь какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ оборвать тонкую мысль, неправильно ее перетолковать и тѣмъ самымъ, какъ выражался Ал. Ив., съ философскихъ парнаскихъ высотъ спуститься въ обывательскіе покои. Вотъ эта-то лабораторная работа, непрерывное творчество на лекціяхъ, черта въ

высшей степени характерная для крупнѣйшихъ ученыхъ и творческихъ умовъ, особенно и приковывала наше вниманіе и привлекала на лекціи Ал. Ив. всегда полную аудиторію. За то, что Ал. Ив. вводилъ насъ въ свою прекрасно и съ большимъ вкусомъ обставленную ученую лабораторію, мы его безгранично любили, уважали и цѣнили. Онъ насъ училъ работать, указывалъ методы, пути и средства, какъ вѣрнѣе и скорѣе всего можно достигнуть прочныхъ результатовъ, какъ выработать научно обоснованное и прошедшее черезъ горнило самой придирчивой и безпощадной критики, міровоззрѣніе и міропониманіе.

Ни одна книга, ни даже цѣлая бібліотека не могла замѣнить творческой работы Ал. Ив., намъ важно было знать не только результаты работы, но и самые приемы и методы ея, а этого послѣдняго, конечно, во всей полнотѣ не можетъ дать ни одна книга; для этого необходимо живое слово, живой и умный руководитель.

Насколько приковывалъ вниманіе аудиторіи къ своему предмету покойный Ал. Ив., можно судить уже по одному тому, что не было ни одной лекціи по логикѣ, чтобы послѣ нея въ профессорской комнатѣ около Ал. Ив. не толпилось 10—15 человекъ, жаждавшихъ побесѣдовать съ любимымъ, умнымъ и тонко образованнымъ руководителемъ. Сплошь и рядомъ съ профессорской начиналась новая лекція, бесѣда, иногда продолжавшаяся вдвое, а то и втрое больше обычной часовой лекціи. Когда же споръ разгорался, то солидный и импозантный Ал. Ив. воодушевлялся: его глаза горѣли юношескимъ блескомъ и съ жаромъ защищалъ онъ тогда свою позицію, поражая своихъ собесѣдниковъ тонко-продуманной, неотразимой аргументаціей и удивительнымъ мастерствомъ выраженія своихъ мыслей. Но Ал. Ив. никогда не прибѣгалъ къ такъ называемымъ въ логикѣ «argumenta baculina». «Палочные аргументы» ему были совсѣмъ не знакомы.

Бывали даже и такіе случаи, когда Ал. Ив. выходилъ изъ словесной борьбы побѣжденнымъ, прямо и открыто заявлялъ, что въ этомъ пунктѣ онъ не чувствуетъ подъ собою твердой почвы «объ этомъ я еще хорошенько подумаю, кое-что еще

прочту и проштудирую, а главное получше подумаю». Очень характерен, напр., слѣдующій случай. Послѣ одного очень горячаго обмѣна мнѣній—по поводу второй части «Logische Untersuchungen» Ed Husserl'я, длившася около трехъ часовъ и все же не доведеннаго до логическаго конца, черезъ нѣсколько дней Ал. Ив. встрѣчаетъ меня на Гверскомъ бульварѣ и заявляетъ, что «Вы были правы», и я даже думаю теперь просмотрѣть нѣкоторыя части моего «закона причинности»: затѣмъ разговоръ сконцентрировался около книги Emil Lask «die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre», которую здѣсь же рѣшено было перевести на русскій языкъ, и Ал. Ив. любезно и охотно согласился просмотрѣть и отредактировать переводъ названной книги Lask'а.

Въ текущемъ 12—13 академическомъ году Ал. Ив. открылъ свой семинаріи по логикѣ, на который мы съ полнымъ основаніемъ возлагали великія надежды. И дѣйствительно, уже при обсужденіи перваго представленнаго доклада «Логизмъ и психологизмъ» Ал. Ив. снова, послѣ лѣтняго перерыва, блеснулъ своей удивительной философскою эрудиціей, толпнымъ пониманіемъ дѣла и остроуміемъ и въ послѣдній разъ передъ нами Ал. Ив. произвелъ анализъ двухъ важнѣйшихъ взаимно-борящихся направленій логизма и психологизма, причемъ самъ Ал. Ив. рѣшительно склонялся на сторону послѣдняго, т. е. психологизма; отдавая должное научнымъ заслугамъ логиста Эд. Husserl'я, Ал. Ив. полагалъ, что стремленіе изгнать психологизмъ изъ логики такъ, какъ этого требуетъ Эд. Husserl, значитъ стараться сгнати изъ самихъ себя и питать странную надежду, что люди могутъ создать сверхчеловѣческую науку. Попутно, во время обсужденія того же самаго реферата, Ал. Ив. бросилъ два-три очень цѣнныхъ замѣчанія о книгѣ Н. Cohen'а «System der Philosophie», отмѣчая нѣкоторую непослѣдовательность въ аргументаціи Cohen'а, все же de facto признающаго извѣстное значеніе за «знакомъ вопроса»—ощущеніями.

Слѣдующій рефератъ объ «интросекціи» Р. Авенарюса былъ только заслушанъ, предполагались горячіе дебаты, но на очередную лекцію Ал. Ив. почему-то не явился, черезъ пять дней на стѣнѣ института около аудиторіи появилось неболь-

шое, оказавшееся впоследствии роковымъ, объявленіе гласившее, что «проф. А. И. Введенскій впредь до особаго объявленія лекцій читать не будетъ». Это многозначительное объявленіе висѣло на стѣнѣ института приблизительно около 3-хъ мѣсяцевъ и, наконецъ, три дня тому назадъ было замѣнено другимъ: «директоръ института проситъ пожаловать гг. слушателей на панихиду по скончавшемся проф. Алексѣй Ивановичъ Введенскомъ».

Уже предшествующее изложеніе показало, что представлялъ изъ себя Ал. Ив., какъ педагогъ-руководитель. Можетъ быть, впервые въ Россіи на занятіяхъ Ал. Ив. въ надлежащихъ размѣрахъ была реализована великая идея педагогики—единеніе учителя и учащихся на почвѣ чистаго знанія, чистой науки. При оцѣнкѣ знаній Ал. Ив. руководился только однимъ критеріемъ оцѣнки степени одаренности и внимательнаго отношенія къ дѣлу; ни личныхъ симпатій, ни антипатій словомъ никакихъ примѣсей неакадемическаго характера онъ не признавалъ. Но съ другой стороны Ал. Ив. умѣлъ переживать различныя настроенія своихъ учениковъ, умѣлъ радоваться ихъ радостями и печалиться ихъ горемъ; онъ всегда былъ къ услугамъ своей аудиторіи и дѣлалъ для нея все, что было въ его силахъ, а сдѣлать онъ могъ очень и очень многое. Прямо поразительно, какъ Ал. Ив. сумѣлъ совмѣщать въ себѣ два величайшихъ и цѣннѣйшихъ дара судьбы: глубокой и тонкой аналитико-синтетической умъ, огромную эрудицію и мягкое, доброе и чуткое сердце. Своимъ методомъ работы и обращеніемъ со слушателями онъ указывалъ имъ на ихъ будущее на трудномъ педагогическомъ поприщѣ, на нивѣ народнаго просвѣщенія, какъ онъ любилъ выражаться. После всего вышесказаннаго было бы излишне повторять, какую огромную, едва ли поправимую потерю понесла русская школа, русская наука и русское просвѣщеніе въ лицѣ умершаго Ал. Ив. Введенскаго.

Насъ утѣшаетъ только одна единственная надежда, достойная умершаго философа, работать на поприщѣ науки и педагоги, согласно его великимъ и славнымъ завѣтамъ. Мы никогда не забудемъ твой завѣтъ, умершій Алексѣй

Ивановичъ, дорогой нашъ учитель и воспитатель, что матеріальныя отношенія, связывающія людей, сравнительно скоро истлѣваютъ, порываются, но остаются еще мысли, идеи, которыя соединяютъ живыхъ и мертвыхъ; въ этомъ и состоитъ, выражаясь твоимъ языкомъ, вѣчная, непрерывная преемственность непреходящихъ цѣнностей общечеловѣческой культуры.

Миръ праху твоему, великій философъ и мудрый человѣкъ.

Лишь въ исходѣ пятого часа дня закончился печальный обрядъ погребенія А. И. Введенскаго. Съ кладбища духовенство съ пресвященнымъ Феодоромъ во главѣ, сослуживцы и ученики вмѣстѣ съ многочисленными родственниками были приглашены семьей покойнаго на поминовенную трапезу.

По поводу кончины профессора А. И. Введенскаго семьей почившаго были получены многочисленныя сочувственныя телеграммы.

Отъ первоприсутствующаго члена Св. Синода, Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго:

Скорблю о дорогомъ Алексѣѣ Ивановичѣ, молюсь о немъ.

Митрополитъ Владиміръ.

Отъ генераль-маіора К. К. Истомина:

Глубокій почитатель незабвеннаго Алексѣя Ивановича, прошу Васъ принять выраженіе моей горячей скорби въ постигшей Васъ и Вашего сына тяжелой утратѣ. Да послужитъ общая скорбь друзей, почитателей и учениковъ Вашего мужа, хотя нѣкоторымъ утѣшеніемъ ниспосланнаго Вамъ Господомъ испытанія.

Владиміръ Истоминъ.

Профессору Д. И. Введенскому отъ почетнаго блюстителя академіи, В. Д. Попова:

Примите мое самое горячее сочувствіе постигшей васъ скорби, вслѣдствіе кончины дорогаго Алексѣя Ивановича, человѣка рѣдкаго ума и не менѣе рѣдкаго сердца служившаго украшеніемъ и оплотомъ нашей Академіи.

Василій Поповъ.

Отъ него же—супругѣ почившаго.

Душевно скорблю, что нездоровье лишаетъ возможности помолиться у гроба вашего почившаго супруга котораго я любилъ сердечно, высоко цѣню его умъ и прекрасную душу. Вѣчная ему память.

Василій Поповъ.

Отъ ректора Новгородской семинаріи, архимандрита Алексія:

Всею душой опечаленъ кончиной дорогого Алексѣя Ивановича, да помянетъ Господь его вѣру, его преданность церкви, чистоту его убѣжденій. Горячо молюсь. Для меня онъ незабвенъ.

Архимандритъ Алексій.

Отъ графа Комаровскаго:

Примите отъ всей семьи нашей выраженіе искренняго соболѣзнованія Вашему горю.

Графъ Комаровскій.

Отъ графини Комаровской съ дочерьми:

Шлемъ Вамъ выраженіе нашего искренняго соболѣзнованія.

Графиня Комаровская съ дочерьми.

Отъ доцента академіи Н. Д. Протасова:

Глубокоуважаемая Марія Ильинична! недугъ приковалъ меня къ постели и я не могъ принять участіе въ молитвенныхъ проводахъ въ жизнь вѣчную дорогого паставника. Онъ былъ дорогъ мнѣ, какъ выразитель моихъ идеаловъ, чувствъ. Въ тысячахъ своихъ учениковъ онъ замѣтилъ меня, поднялъ до себя предложеніемъ на кафедре дорогой академіи. Только горячей молитвой къ Господу я буду благодарить усопшаго. Изъ любви къ нему примите мое искреннее участіе въ постигшемъ Васъ горѣ и увѣреніе въ совершенномъ къ Вамъ уваженіи.

Протасовъ.

Отъ профессорскаго стипендіата В. Н. Муратова
Глубоко опечаленъ кончиной любимаго профессора, болѣзнь лишаетъ возможности проститься.

Муратовъ.

На имя редактора «Московскихъ Вѣдомостей» была прислана телеграмма отъ пресвященнаго Митрофана, епископа Екатеринбургскаго

Изъ полученнаго сейчасъ № 46 „Московскихъ Вѣдомостей“ узналъ о кончинѣ Алексѣя Ивановича Введенскаго. Со всѣми знавшими его оплакиваю тяжелую утрату. Молюсь объ упокоеніи души незабвеннаго товарища столь блестяще и плодотворно поработавшаго на поприщѣ науки, литературы и публицистики, на пользу и славу Церкви и православія.

Епископъ Митрофанъ.

Кромѣ телеграммъ родственниками усопшаго получались сочувственныя письма.

Членъ Святѣйшаго Синода и Государственнаго Совѣта, пресвященный епископъ Никонъ прислалъ супругѣ почившаго слѣдующее письмо:

Многоуважаемая Марія Ильинична!

Милость Божія буди съ Вами!

Сейчасъ, стоя у всенощной, получилъ я скорбную телеграмму: „сегодня братъ скончался. Погребеніе въ среду“. Подписи нѣтъ, но сердце подсказываетъ, что рѣчь идетъ о дорогомъ Алексѣѣ Ивановичѣ... И такъ больно и грустно стало на душѣ, что тотчасъ же и пишу эти строки... Если сердце не обмануло, то царство небесное почившему философу христіанину! Вѣчно будетъ его свѣтлый образъ истиннаго православнаго мудреца жить въ сердцахъ тѣхъ, кто зналъ его... Не того мы ожидали. Мы надѣялись, что могучій организмъ перенесетъ болѣзнь... Но видно его душа созрѣла для неба, а больше чего же еще ему-то нужно? Другое дѣло мы... О, памъ опъ нуженъ—нуженъ бы еще... И въ тако мутное время, какъ наше, именно такіе свѣтлые умы очень нужны...

Такъ думается намъ... А у Бога Свое промышленіе и рѣшеніе... И буди Его святая воля!

Пишу Вамъ, а прошу передать сіи строки и Дмитрію Ивановичу. Вѣдь это былъ для почившаго не только братъ, но и другъ, другой я въ лучшемъ смыслѣ...

Укрѣпи Господи Васъ въ несеніи великой утраты... Церковь не забудетъ заслугъ почившаго раба Божія Алексія въ своихъ молитвахъ...

Божіе Вамъ и сынку Вашему благословеніе.

Вашъ искренній добротъ Епископъ Никонъ.

1913, ф. 23. Невская лавра.

Брату почившаго, Дмитрію Ивановичу, намѣстникъ Свято-Троице-Сергіевой Лавры писалъ:

Добрѣйшій Дмитрій Ивановичъ!

Глубоко скорблю о лишеніи дорогого и веѣми любимаго Алексія Ивановича. Усердно молю Бога да вселитъ душу его, идѣже праведніи упокоются.

Архимандритъ Товія.

25-е февраля 1913 года.

Настоятель посольской церкви въ Берлинѣ

Протоіерей А. П. Мальцевъ, писалъ вдовѣ А. П-ча:

БЕРЛИНЪ $\frac{23}{12}$ 1913 $\frac{11}{10}$.

Ваше превосходительство!

Еще на дняхъ я послалъ карту дороговому и незабвенному Вашему супругу, и вотъ вчера съ вечерней почтой пришло печальное извѣщеніе о кончинѣ добрѣйшаго Алексія Ивановича.

Искренне и глубоко соболѣзную Вамъ и Борису Алексѣевичу въ незнаградимой утратѣ горячо оплакиваемаго почившаго и возношу мои молитвы о немъ и о Васъ, чтобы Господь подкрѣпилъ Ваши силы.

Сегодня (среда)—въ первую преждеосвященную литургію его отпѣвають и хоронятъ на Мюсскомъ кладбищѣ. Я надѣялся, что увижусь съ нимъ въ этомъ году по обычаю въ

Берлинѣ, но нашей бесѣдѣ за дружной трапезой въ Братскомѣ домѣ осенью прош. года суждено было быть послѣднею!

Душевно соболѣзнующей Вамъ Прот. А. Мальцевъ.

Отъ Д. Королькова вдова получила письмо:

Милостивая Государыня

Марія Ильинишна!

Будучи лишень возможности отдать послѣдній долгъ Вашему, безвременно почившему, супругу Алексѣю Ивановичу, прошу Васъ принять мое самое искреннее соболѣзнованіе въ постигшемъ Васъ великомъ горѣ. Да ниспошлетъ Вамъ Господь мужество и силы перенести поразившее Васъ тяжкое испытаніе!

Вашъ покорный слуга Д. Корольковъ.

27. II. 13.

Отъ С. П. Казанскаго М. И-чна получила слѣдующее письмо:

Многоуважаемая

Марія Ильинична!

Отъ всей души сочувствую Вамъ и близкимъ Вашимъ въ постигшей Васъ невознаградимой утратѣ.

Очень хотѣлъ-бы, но не умѣю и несмѣю сказать Вамъ слова утѣшенія.

Пусть утѣшитъ Васъ другое, сильное, слово: „Блаженны мертвыя, умирающіе въ Господѣ. Ей, говоритъ Духъ, они успокоятся отъ трудовъ своихъ“, страданій своихъ.

Съ искреннимъ уваженіемъ С. Казанскій.

Были получены еще письма отъ священника И. Виноградова, отъ художника С. В. Беклемишева.

У одного поэта есть такое стихотвореніе. Онъ представляетъ себя склонившимся надъ колыбелью плачущаго по пустякамъ малютки и говорить: «теперь ты плачешь и вокругъ тебя всѣ смѣются, но какъ бы я желалъ, чтобы, когда ты пройдешь твой жизненный путь, ты встрѣтилъ бы смерть

съ улыбкою, а вокругъ тебя всѣ бы плакали». Последнее и произошло съ Алексѣемъ Ивановичемъ. Еще въ ноябрѣ я слышалъ отъ него спокойное заявленіе: «я готовъ». И не долженъ ли быть признанъ наилучшимъ удѣлъ того чело-
вѣка, который встрѣчаетъ смерть безъ скорби и смерть котораго вызываетъ безкорыстную и глубокую скорбь у многихъ?

С. Глаголевъ.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

(Объ учрежденіи имени стипендіи имени В. О. Ключевскаго).

12 мая 1911 года русская наука понесла тяжкую утрату въ лицѣ заслуженнаго Профессора Московскаго Университета Василія Осиповича Ключевскаго. Русскому Обществу хорошо знакомъ и дорогъ образъ великаго ученаго, сочетавшаго силу мысли съ даромъ художественнаго творчества и могуществомъ устнаго слова. Имя почившаго одинаково близко какъ многочисленнымъ слушателямъ его, разбросаннымъ по всей Россіи, такъ и еще болѣе многочисленнымъ читателямъ его литературныхъ произведеній. Работы его, бросая яркій свѣтъ на наше прошлое, будили общественное сознание, развивали мысль ряда поколѣній и воспитывали школу исторической науки.

Иди навстрѣчу проявленному со всѣхъ сторонъ горячему желанію выразить уваженіе къ памяти В. О. Ключевскаго, Московскій Университетъ остановился на мысли почтить память почившаго такъ же, какъ нѣкогда была почтена память его великаго учителя Сергія Михайловича Соловьева, и возбудилъ ходатайство объ учрежденіи при Московскомъ Университетѣ стипендіи его имени для оставленныхъ при Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ русской исторіи, а также и преміи за лучшія сочиненія по русской исторіи и исторіи русской церкви.

Нынѣ **ВЫСОЧАЙШЕ** разрѣшено открытіе повсемѣстнаго сбора добровольныхъ пожертвованій для означенной цѣли. Объявляя объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, **ИМПЕРАТОРСКІИ** Московскій Университетъ приглашаетъ всѣхъ почитателей В. О. Ключевскаго доставлять свои пожертвованія, не стѣсняясь ихъ размѣрами, въ Правленіе Университета, во всѣ Конторы и отдѣленія Государственнаго Банка, въ губернскія и уѣздныя казначейства Россійской имперіи для зачисленія на условный текущій счетъ въ Московской Конторѣ Государственнаго Банка за № 20225, открытый на имя Совѣта **ИМПЕРАТОРСКАГО** Московскаго Университета.

Отчеты о поступившихъ пожертвованіяхъ будутъ публиковаться два раза въ годъ.